

**МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. М.В. ЛОМОНОСОВА**

ФАКУЛЬТЕТ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

**Электронный бюллетень
*ПРАКТИКУМ***

1

Москва, 2018

**МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. М.В. ЛОМОНОСОВА**

ФАКУЛЬТЕТ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

**ИСТОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ГЛОБАЛЬНЫХ И
МИРОПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

Электронный бюллетень
ПРАКТИКУМ

2018 - № 1

Москва, 2018

Электронный бюллетень «ПРАКТИКУМ» предлагает читателям подборку научных рефератов и реферативных обзоров, подготовленных студентами магистратуры факультета мировой политики МГУ им. М.В. Ломоносова в рамках учебного курса «История и методология мирополитических и глобальных исследований».

Проект носит некоммерческий характер.

Научная редакция: Т.В. СКОРОСПЕЛОВА – д.и.н.; С.А. ТАТУНЦ – д.социол.н., проф.; А.М. ПОНАМАРЕВА – к.социол.н.

Электронный бюллетень «ПРАКТИКУМ». МГУ им. М.В. Ломоносова. Факультет мировой политики. – М., 2018. – № 1.

Данный номер включает в себя подборку рефератов по актуальным вопросам международной безопасности; региональным проблемам мировой политики, а также отдельным аспектам информационного обеспечения внешней политики.

СОДЕРЖАНИЕ

МЕЖДУНАРОДНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

СЕТ. Ш. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В КОСМИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ИЗМЕНЕНИЯ, НЕПРЕРЫВНОСТЬ И КОНТЕКСТУАЛЬНОСТЬ // Jadavpur j. of international relations. – 2015. – Vol. 19, N 2. – P. 184–192.

О.В. Ефимова (Корниенко).....5

МЕСМЕР-МАГНУС Дж. Р., КАРТЕР Д.Р., АСЕНСИО Р., ДЕ ЧЕРЧ Л.А. ОСВОЕНИЕ КОСМОСА ОТКРЫВАЕТ НОВУЮ ОБЛАСТЬ КОМАНДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ // Group a. organization management. – 2016. – Vol. 41, N 5. – P. 595–628.

Е.С. Тирон.....10

КУСУМАНО Э. МАСШТАБЫ ВОЕННОЙ ПРИВАТИЗАЦИИ: ВОЕННЫЕ РОЛЕВЫЕ КОНЦЕПЦИИ И ПРИВЛЕЧЕНИЕ ПОДРЯДЧИКОВ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ И СОЕДИНЕННОМ КОРОЛЕВСТВЕ // Int. Relations. – University of Leiden, 2015. – Vol. 29, N 2. – P. 219–241.

К.В. Потылицын.....17

МОНТЕН ДЖ. ИНТЕРВЕНЦИЯ И ГОСУДАРСТВЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОПЫТА ЯПОНИИ, ИРАКА И АФГАНИСТАНА // ANNALS, AAPSS. – November 2014. – Vol. 656. – P. 173–191.

К.К. Царев..... 25

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

аль-КУРТУБИ С. МЕЖЭТНИЧЕСКОЕ НАСИЛИЕ, СЕПАРАТИЗМ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРИМИРЕНИЕ В ТУРЦИИ И ИНДОНЕЗИИ // India quarterly – SAGE, 2015. – Vol. 71, N 2. – P. 126–145.

Н.С. Петикян.....34

ХЭНЛОН К. НАВСТРЕЧУ РЕГИОНАЛЬНОМУ СОТРУДНИЧЕСТВУ: ИЗМЕРЕНИЕ ВНУТРЕННЕЙ БЕЗОПАСНОСТИ // Middle East Institute Policy Paper Series. – July, 2016. – P. 1–29.

Н.С. Лабуткин.....43

ДЕБАНГАНА ЧАТТЕРДЖИ. ГЕНДЕРНЫЙ ПРОФИЛЬ «ИСЛАМСКОГО ГОСУДАРСТВА» И ОПРЕДЕЛЕНИЕ РОЛИ ЖЕНЩИН // Contemporary rev. of the Middle East. – Vol. 3, N 2. – P. 201–218.

Е.И. Вулах.....51

ДЮРАН-МАРТИНЕС А. НАРКОТИКИ ЗА УГЛОМ: ВНУТРЕННИЕ РЫНКИ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И НАСИЛИЕ В КОЛУМБИИ И МЕКСИКЕ // Latin American politics a. society. – FL., 2015. – Vol. 57, N 1. – P. 122–146.

Л.К. Даваян.....59

ВАН ГУНТЕН Т.С. СПЛОЧЕННОСТЬ, КОНСЕНСУС И КОНФЛИКТ: ТЕХНОКРАТИЧЕСКИЕ ЭЛИТЫ И ФИНАНСОВЫЙ КРИЗИС В МЕКСИКЕ И АРГЕНТИНЕ // Int. j. of comparative sociology. – 2016. –Vol. 56, N 5. – P. 1–25.

Л.Р. Гудова.....66

БАЙРАУ Д. ЕЩЕ РАЗ ОБ ОЖЕСТОЧЕНИИ: СЛУЧАЙ РОССИИ // J. of contemporary history. – L., 2015. – Vol. 50, N 1. – P. 15–37.

М.И. Ходыкин.....71

ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

ТРАМБАЛЛИ У. ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ИТАЛИИ: И ВСЁ-ТАКИ ОНА ВЕРТИТСЯ! // Rapporto ISPI. 2016. – P. 131–145.

К.К. Уткина.....78

ХЁРВИТЦ Л. ИНДЕКС ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ОЧЕРК // Comparative political studies. – 1971. – Vol. 4, N 1. – P.41–68.

Я.О. Песегова.....84

ЛАУНДЕС В., МАДЗИВА Р. КОГДА Я СМОТРЮ НА ЭТОТ ФУРГОН, ДЛЯ МЕНЯ ЭТО НЕ ПРОСТО ФУРГОН: СИМВОЛИЧЕСКИЕ ОБЪЕКТЫ В МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКЕ // Critical social policy. – L., 2016. – Vol. 36, N 4. – P. 1–21.

Д.Ю. Безгина.....91

МЕЖДУНАРОДНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

СЕТ Ш. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В КОСМИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ИЗМЕНЕНИЯ, НЕПРЕРЫВНОСТЬ И КОНТЕКСТУАЛЬНОСТЬ¹.

SET Sh. The international relations of Outer Space: changes, continuities, contextualities // Jadavpur j. of international relations. – 2015. – Vol. 19, N 2. – P. 184–192.

Ключевые слова: космическое пространство; международные отношения; милитаризация космоса; вепонизация космоса; космические технологии.

Ученый-исследователь индийского происхождения Шоунак Сет (Отдел по вопросам дипломатии и разоружения; Центр международной политики, организаций и разоружения; Школа международных исследований; Университет Джавахарлала Неру; Нью-Дели) анализирует тенденции и текущее состояния международных отношений в сфере космоса и космических технологий, уделяя особенное внимание проблемам милитаризации (militarization) и вепонизации (weaponization) космического пространства.

Отмечая, что взаимозависимость международных отношений и космического пространства растет «бешеными темпами», автор находит парадоксальным дефицит научной литературы и качественных исследований по данному предмету. По его мнению, международные отношения как научная дисциплина игнорируют целое предметное поле [с. 185]. Отсутствие соответствующих теоретических наработок может спровоцировать домыслы и вольные трактовки норм права. Очевидно, что в ближайшее время в рамках ТМО должен произойти пересмотр концепции безопасности, с учетом изменяющегося миропорядка и развития технологий.

---

¹ Сокращенная версия данного реферата была опубликована в издании Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11.: РЖ / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. – М., 2018. – № 4. – С. 171–176.

Ш. Сет обращает внимание на то, что неадекватность действующих механизмов контроля за использованием космоса вызовом сегодняшнего дня: технологическое и политическое развитие отрасли сильно опережает ее правовое обеспечение. Договор о космосе 1967 г. гарантирует защиту космоса как достояния человечества и в целом задает тон всем последующим договоренностям [с. 186]. Но созданная полвека назад правовая база соответствовала биполярному порядку и не подходит для регулирования системы, представленной множеством акторов, в том числе – нового типа.

Безусловно, отголоски соперничества двух космических сверхдержав звучат и по сей день. Противоречия биполярного порядка сказывались на других государствах, и автор демонстрирует это на примере Индии. США препятствовали сделке Индии и России по поставке технологий для создания криогенных двигателей, объяснив это нарушением Режима контроля за ракетными технологиями (РКРТ), а позже ввели санкции. Данный инцидент отбросил индийскую космическую программу на пару десятилетий назад, не дав вовремя занять нишу на рынке пусковых услуг [с. 187–188].

Ш. Сет подвергает критике общепринятую классификацию космических держав, основанную на показателях продолжительности существования и уровня развития отрасли: пионеры (pioneers), игроки среднего уровня (middle-level players) и новички (new entrants) [с. 185]. Подобное разделение, по его мнению, утратило свою актуальность, поскольку государства перестали быть уникальными участниками космической деятельности. Развитие технологий и снижение их стоимости облегчают доступ к ним негосударственных акторов. С одной стороны, мы являемся свидетелями становления коммерческой космонавтики, использования транснациональными корпорациями систем космического базирования для обеспечения спутниковой связи и навигации. С другой – существует угроза получения террористическими организациями доступа к спутниковым технологиям. Сложившаяся ситуация требует срочных

мер по выработке новых механизмов и институций для контроля и предотвращения подобных инцидентов.

Трудноразрешимой III. Сету представляется проблема милитаризации, или военизации, космоса. Споры о стратегическом потенциале космоса начались еще на заре космической эры, в годы после Второй мировой войны. Первыми искусственными объектами в космосе можно считать ракеты Фау-2 (V2), разработанные в Германии и прошедшие испытания в сентябре 1944 г. Эти ракеты являются «прародителями» современного баллистического вооружения и практической космонавтики в целом, поскольку как советское, так и американское ракетостроение опиралось всецело на немецкие разработки [с. 189]. Вторая волна общественного беспокойства в связи с опасностью милитаризации космоса поднялась после успешного запуска советского спутника в 1957 г., поскольку державами, располагающими соответствующими технологиями, открывались безграничные возможности для слежения и съемки интересующих территорий.

Системы космического базирования, обеспечивающие навигацию, связь, фотографирование, зондирование имеют двойное назначение, как гражданское, так и военное. Автор обращает внимание на тот факт, что именно военная составляющая космической деятельности носит первостепенный характер. Космические системы обеспечивают значительное превосходство в войнах нового типа, в свою очередь, именно обладание стратегическим превосходством подталкивает к дальнейшему освоению космоса. Впервые спутниковые технологии были использованы в войне во Вьетнаме, но в полной мере их потенциал раскрылся в ходе Первой войны в Персидском заливе 1990–1991 гг., которая впоследствии была названа публицистами «первой космической войной» [с. 188].

Противоречивым, но действенным является подход к разделению процесса военизации космоса на своеобразные стадии. Признается возможность применения систем космического базирования в военных целях, но полностью

отказаться от подобных технологий не получится, поскольку параллельно они выполняют гражданские мирные функции и предоставляют сервисы, без которых современный человек не мыслит жизни. По этой причине в научной среде закрепилось разделение процесса милитаризации космоса на пассивную (существующую) стадию и активную (вероятную) стадию. Активная стадия военизации космоса получила также название «вепонизация» (weaponization). Вепонизация будет инициирована и завершена тогда, когда в космосе будет размещено оружие для поражения целей на Земле и небесных телах; либо установлены системы наземного базирования, поражающие цели в космосе [с. 190]. Нельзя недооценивать нетрадиционные виды оружия и способы поражения космических объектов – лазеры, кинетические, электромагнитные пушки, которые не разрушают объекты полностью, а только выводят их из строя. На данный момент вепонизация носит эволюционный характер, но как только ключевые технологии будут окончательно внедрены в практику, последует ее резкий, революционный подъем.

Серьезную обеспокоенность экспертов вызвали инциденты 2007 и 2008 гг., когда Китай, а затем США показали свою способность уничтожать спутники. Данные действия были восприняты как взаимная демонстрация силы, и побудили РФ и КНР к созданию проекта Договора о предотвращении размещения оружия в космическом пространстве. Проект был заблокирован США, которые выступили с ответной инициативой по выработке Международного кодекса поведения в космосе. Однако последний отличается некоторой абстрактностью формулировок и не носит юридически обязывающего характера, а потому существенно не меняет ситуацию [с. 191].

Инциденты со спутниками инициировали межгосударственную дискуссию о начале активной стадии милитаризации и новой космической гонке. Переговоры по данному вопросу носили характер «много слов, мало дела» (more noise than substance) [с. 187]. Страны почувствовали опасность, ведь в любой момент мог быть сбит именно их космический аппарат, но, тем не менее,

они не желали отказываться от средств космического базирования полностью. По мнению Ш. Сета, это привело к тому, что такие государства как Индия переориентировали свои космические программы на проведение более агрессивной политики для обеспечения безопасности своих объектов.

Ш. Сет полагает полную демилитаризацию совершенной утопией. В начале исследования автор приравнивает владение космическими технологиями в XXI в. к обладанию ядерным потенциалом в XX в. и объясняет это стратегическим превосходством государства. Позже Ш. Сет вновь возвращается к «ядерному прецеденту» для демонстрации того, как переговоры по космосу и безопасности в нем могут повторить судьбу ядерного урегулирования. Договор о нераспространении ядерного оружия 1968 г. содержащий достаточно расплывчатое *обещание* ядерных держав-участниц вести переговоры по ядерному *разоружению* «в духе доброй воли», тем не менее, способствовал закреплению ситуации, предполагающей наличие несколько «имущих» государств (a few nuclear haves) и множество «неимущих» (many nuclear have-nots)[с. 191]. Автор настаивает на том, что допустив послабления, страны обрекут себя на перманентную нестабильность в сфере космоса.

Разумеется, безопасности в космосе достичь можно, но сделать это следует мирными средствами, в число которых входят: ответственное отношение, прозрачность политики, создание действенного кодекса поведения, а не сборника общих фраз декларативного характера; формирование организации по контролю за технологиями и вооружением и глобального режима контроля за соблюдением договоренностей.

Современные отношения в космосе представляют собой удивительную смесь конфликтности и сотрудничества. Хотя все государства согласны с необходимостью реорганизации правовой системы, степень их согласия разнится – каждый хочет соблюсти свои интересы и получить максимальные преимущества. В заключении автор подчеркивает, что взаимосвязь космоса и

международных отношений не должна и не может рассматриваться в отрыве от наблюдаемых сегодня тенденций и глобальных сил. Если космос все же превратится в арену борьбы, то на смену кооперации придет гонка преследования между «старыми» космическими державами и борющимися за этот статус, а неизбежное вмешательство негосударственных акторов многократно усложнит их противостояние.

О.В. Ефимова (Корниенко)

МЕСМЕР-МАГНУС Дж. Р., КАРТЕР Д.Р., АСЕНСИО Р., ДЕ ЧЕРЧ Л.А. ОСВОЕНИЕ КОСМОСА ОТКРЫВАЕТ НОВУЮ ОБЛАСТЬ КОМАНДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ¹.

MESMER-MAGNUS J.R., CARTER D.R., ASECIO R., De CHURCH L.A. Space exploration illuminates the next frontier for teams research // Group a. organization management. – 2016. – Vol. 41, N 5. – P. 595–628.

Ключевые слова: командная динамика; командная эффективность; коллективное принятие решений; космос.

С появлением у Национального управления по авиации и исследованию космического пространства (НАСА) задачи по отправке полноценной пилотируемой экспедиции на Марс стало очевидно, что осуществление подобной миссии потребует мобилизации знаний из самых разных областей науки. В том числе – последних наработок в сферах психологии, теории коммуникаций и командообразования.

Эффективная работа в команде является обязательным условием успешной реализации экспедиции на Красную планету. В настоящее время перед экспертами, специализирующимися на проблематике теории организаций и организационного поведения, стоит сложнейшая задача – выработать

---

¹ Сокращенная версия данного реферата была опубликована в издании Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11.: РЖ / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. – М., 2018. – № 1. – С. 73–79.

рекомендации по оптимизации взаимодействия экипажа в условиях длительного (эквивалентного ста сорока двум полетам к Луне), отличающегося высокой автономностью космического путешествия.

В сотрудничестве с НАСА коллектив авторов из США – Джессика Месмер-Магнус (Университет Северной Каролины в Уилмингтоне), Дороти Картер (Университет Джорджии), Ракель Асенцио (Университет Пердью) и Лесли Де Черч (Северо-Западный университет) – провели исследование, направленное на выявление новых вызовов и задач в области командообразования, возникающих в контексте развития марсианского проекта. Эмпирическую базу исследования составили данные, полученные в ходе интервьюирования экспертов в области пилотируемого освоения дальнего космоса (астронавтов, работавших на МКС; психологов; тренеров; менеджеров программ; инженеров и т.п.). Обращение авторов к методу экспертного опроса позволило им прийти к более глубокому пониманию командных рисков совместной работы в условиях освоения космоса на протяжении длительного периода времени (LDSE– long-duration space exploration) [с. 596].

По утверждению специалистов НАСА, командный риск (team risk), т.е. «потенциальное снижение производительности (эффективности) из-за недостаточных сотрудничества, координации, коммуникации и / или психосоциальной адаптации как внутри самого экипажа и группы наземной поддержки, так и между ними» может стать одним из наиболее серьезных препятствий для благополучного завершения марсианской миссии [с. 597]¹. Разнородному в культурном и профессиональном планах экипажу предстоит работа в крайне опасных условиях, сопряженная с колоссальной психологической нагрузкой и физическим напряжением, многократно возрастающими с учетом невозможности покинуть «рабочее место» до окончания программы. Сфера актуализации подобного типа «экстремальных»

---

¹ NASA's efforts to manage health and human performance risks for space exploration. Mode of access: <https://oig.nasa.gov/audits/reports/FY16/IG-16-003.pdf>. [Accessed: 5.09.2017.]

команд, отмечают авторы, не ограничивается космическим пространством. Они формируются в таких сферах деятельности, как полярные исследования, глубоководная добыча нефти, коммерческая подледная рыбалка, проведение силовых операций специального назначения и т.п.

На основе анализа проведенных интервью исследователи выявили семь принципиальных особенностей «экстремальных» команд, без учета которых представляется невозможным решение поставленной НАСА задачи по выявлению потенциальных командных рисков при работе в космосе.

Первая особенность заключается в том, что командные условия в значительной степени определяют производительность и общее состояние каждого из участников группы, а соответственно – результативность последней. Цитируя известные управленческие максимы («*Цепь настолько сильна, насколько сильно ее самое слабое звено*»; «Одно гнилое яблоко может испортить весь бушель»), авторы подчеркивают важность правильного отбора членов команды еще на начальном этапе формирования потенциальной «Дрим Тим». Отношения отдельных участников и команды описываются в терминах взаимовлияния и постоянно трансформируются в зависимости от изменения контекста взаимодействия. Командные условия могут повлиять на готовность индивида поставить коллективные интересы выше личных. Авторы соглашаются с профессором социальной и организационной психологии Гарвардского университета Ричардом Хакманом¹, полагавшим одним из важнейших факторов, определяющих «командную эффективность» «воздействие группового опыта на состоящих в коллективе» [с. 601–603].

Описание каждой из особенностей «экстремальной» команды авторы завершают перечислением вопросов, обозначающих актуальные направления дальнейшего анализа семи выявленных ими характеристик. Применительно к первому смысловому блоку констатируется важность определения того, *какие*

---

¹ Hackman J.R. A normative model of work team effectiveness (No. TR-2). Arlington, VA: Office of naval research. – 1983.

командные аспекты являются ключевыми в плане влияния на производительность, состояние и обучаемость каждого отдельно взятого члена команды, и какие события в период существования команды могут вынудить одного из ее участников отказаться от продолжения работы в коллективе?

Второй особенностью авторы полагают постоянное переключение участников команды между индивидуальными и коллективными задачами в процессе их решения. Так, пребывая на орбите, астронавты не только работают в связке с остальными членами экипажа, но и проводят самостоятельные исследования. Необходимость подобного переключения усложняет достижение командной эффективности. Участники выстраивают собственную систему приоритетов, где коллективные цели подчас отодвигаются на второй и даже на третий план, что препятствует выполнению основных задач, поставленных перед командой¹.

Углублению исследований в обозначенной области может способствовать прояснение *факторов, способствующих и препятствующих переключению между личными и коллективными задачами, а также понимание издержек этого переключения для индивидуальной и коллективной эффективности* [с. 603–605].

Третья особенность состоит в том, что члены команды одновременно являются участниками других групп. Многие из респондентов-астронавтов говорили о сложности избегания конфликта принадлежности. Помимо этого, отмечалось, что частые замены в личном составе экипажей создают дополнительные препятствия для сотрудничества [с. 605–606]. В данном контексте авторы предлагают задаться вопросом: *какой именно аспект командной работы оказывается в наибольшей степени подвержен негативному влиянию множественной идентификации членов коллектива?*

---

¹ Wickens C.D., Santamaria A., Sebok A.A. Computational model of task overload management and task switching. Proceedings of the human factors and ergonomics society annual meeting. – September, 2013. – P. 57, 763–767.

Четвертая особенность – это встроенность команды в более крупные, взаимозависимые сетевые системы, состоящие из множества других команд, каждая из которых отличается специфическими целями, нормами и пониманием своей миссии [с. 607]. В реализации марсианского проекта с неизбежностью будут задействованы группы, представляющие различные национальные космические агентства, т.е. коллективы со своими несовпадающими системами ценностей и специфической архитектурой взаимодействия внутри команды. Огромная ответственность возлагается на группы, находящиеся на Земле и контролирующие полет. Один из респондентов назвал экипаж космического судна глазами, а команду специалистов Центра управления полетом – мозгом миссии [с. 607]. При этом команда Центра управления также состоит из различных взаимосвязанных групп, от которых ожидается успешная координация действий в целях своевременной выработки единого решения [с. 606–609].

Подчеркивая важность изучения этого аспекта, авторы считают целесообразным уточнить: *каким образом закономерности внутри- и межгруппового взаимодействия сказываются на жизнеспособности больших (общих) систем? Как функционирование больших систем влияет на эффективность входящих в их состав команд? Тренинги какого типа могли бы способствовать улучшению качества совместной работы внутри и между командами?*

Пятая особенность командной работы в экстремальных условиях заключается в том, что она является социоматериальной и мультимодальной в своей основе. Обращаясь к исследованиям Пола Леонарди, авторы поясняют, что рассмотрение команды как социоматериального феномена означает признание ее социальной (коммуникации и другие командные процессы взаимодействия) и материальной (технологии) составляющих. Технологии, формирующие среду, в которой разворачивается командная работа, опосредованно влияют на взаимоотношения участников группы и

трансформируются под воздействием последних¹. В качестве примера взаимовлияния технологий и коммуникаций авторы приводят взрывной рост использования эмодзи и смайлов в текстовой коммуникации в электронной среде. В данном случае картинка-эмодзи выступает невербальным посланником, на которого перекладывается часть речевых функций, таких как интонация и жесты. Подчеркивая социоматериальность командной работы космических экипажей, авторы отмечают, что астронавты на МКС чаще всего взаимодействуют с Центром управления полетом через текстовые сообщения, а не через видео- или аудио- связь. Мультиmodalность работы «экстремальных» команд выражается в использовании множества взаимозависимых средств коммуникации, информационных каналов [с. 609–612].

Продолжение исследования вышеозначенного аспекта предполагает ответ на вопрос, *каким образом на эффективности командной работы сказывается сделанный участниками группы выбор тех или иных информационных каналов и технологий?*

Шестой особенностью команды является ее динамическая природа. Один из интервьюируемых особо подчеркнул, что было бы большой ошибкой рассматривать отношения внутри экипажа в качестве некоторой константы. Уровень сплоченности неизбежно меняется с течением времени [с. 613], и какие-либо адекватные прогнозные выводы относительно характера взаимоотношений участников группы можно делать лишь на основе систематизации сведений, отражающих всю последовательность этапов становления коллектива, а не отталкиваясь от описания специфики командной работы «здесь и сейчас» [с. 612–613].

Для расширения границ предметной области в исследованиях командной работы авторы предлагают обратиться к *динамическому анализу*

---

¹ Leonardi P.M. Theoretical foundations for the study of sociomateriality. Information a. organization. – 2013. – N. 23. – P. 59–76.

паттернов поведения членов команды, непосредственно отражающихся на эффективности работы последней.

Седьмая особенность заключается в том, что адаптация является новой формой командной работы. Авторы отмечают, что обычно команда как объект исследования рассматривается учеными в статике, т.е. за основу анализа берется посылка о неизменности типов взаимодействия между индивидами, технологиями и другими группами на протяжении долгого времени. Тем не менее, команды все чаще сталкиваются с непредсказуемыми и даже драматическими событиями, к которым они должны уметь адаптироваться, вовремя трансформировав свои поведенческие паттерны в соответствии с изменившимися условиями и требованиями окружающей среды [с. 613]. Космические экипажи отчасти готовы к подобным, непредвиденным ситуациям [с. 614]. Тем не менее, изучение т.н. адаптивности (the study of adaptability) требует разработки и утверждения новых критериев оценки способности команды к координированной работе в условиях чрезвычайного положения [с. 613–615].

В частности, авторы задаются вопросами, какие поведенческие паттерны членов коллектива, изменения в способах мотивации будут в наибольшей степени способствовать возрастанию эффективности группы в условиях ЧС? Какие критерии следует использовать для оценки приспособляемости команды?

Обобщая все вышесказанное, авторы приходят к выводу, что изучение экипажей, готовящихся к миссии на Марс, в целом продвинет вперед теорию организаций. Командные риски совместной работы в условиях освоения космоса на протяжении длительного периода времени остаются актуальными и для «земных групп», предполагающих сложные формы сотрудничества в экстремальных условиях [с. 616–618].

Е.С. Тирон

КУСУМАНО Э. МАСШТАБЫ ВОЕННОЙ ПРИВАТИЗАЦИИ: ВОЕННЫЕ РОЛЕВЫЕ КОНЦЕПЦИИ И ПРИВЛЕЧЕНИЕ ПОДРЯДЧИКОВ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ И СОЕДИНЕННОМ КОРОЛЕВСТВЕ¹.

CUSUMANO E. The scope of military privatization: Military role conceptions and contractor support in the United States and the United Kingdom // Int. Relations. – University of Leiden, 2015. – Vol. 29, N 2. – P. 219–241.

Ключевые слова: подрядчики; военная культура; частные военные и охранные компании; частная служба безопасности; Соединенное Королевство; Соединенные Штаты Америки.

Хотя приватизация сферы военной поддержки имеет широкое распространение, передовые военные структуры до сих пор не полагаются на частные военные и охранные компании (ЧВОК). Существующие исследования по ЧВОК не позволяют объяснить, почему такие имеющие аналогичные рыночные и политико-идеологические системы страны, как Соединенные Штаты и Соединенное Королевство, не отвечают схожим образом на одни и те же внешние оперативные задачи. В своей статье Эухенио Кусумано (Лейденский университет) раскрывает причины, по которым вооруженные силы США используют частную вооружённую охрану, в то время как в вооружённых силах Великобритании подобное не наблюдается.

Сторонники привлечения наемников поясняют, что работа с частными военными и охранными компаниями (ЧВОК) является ответом на новые вызовы, утверждая, что аутсорсинг повышает боеготовность и снижает расходы. В свою очередь, критики использования ЧВОК специально акцентируют внимание не на финансовом и стратегическом преимуществах аутсорсинга, а на политических аспектах последнего. Дэбора Эвант пришла к выводу о том, что военная приватизация снижает демократический контроль

---

¹ Сокращенная версия данного реферата была опубликована в издании Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11.: РЖ / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. – М., 2018. – № 4. – С. 176–185.

над применением силы, предоставляя исполнительной власти возможность обойти законодательное право вето и снизить прозрачность принимаемых в этой сфере решений через уменьшение *видимых* затрат на военные операции¹.

За последние два десятилетия, коммерческие организации, как правило, связанные с ЧВОК, взяли на себя осуществление ряда функций, ранее выполняемых ВС, таких как: логистика, техническое обеспечение, безопасность и подготовка кадров. Например, в США состав контрактных работников по количеству подрядчиков к количеству солдат изменился с соотношения 1:10 во время операции «Буря в пустыне» в 1991 г. до соотношения 1:1 в период операций «Иракская свобода» и «Несокрушимая свобода», начиная с 2007 г.². Без привлечения подрядчиков, вооруженные силы США уже не в состоянии проводить операции за границей. Поскольку приватизация военной поддержки влияет на способы, которыми военные структуры проводят свои операции, а также имеет большое значение для их масштабов и дальнейших последствий, она вполне может быть классифицирована как один из типов изменений в военной сфере.

Э. Кусумано считает, что исследование ключевого компонента военной культуры, а именно военных ролевых концепций, вносит важный вклад в понимание механизмов привлечения подрядчиков в разных странах. Несмотря на то, что гражданские реформы – это ключевой фактор военной приватизации, разные ролевые концепции сыграли важную роль в формировании практики

---

¹ Avant D.D. Private security and democracy: Lessons from the US in Iraq // Security studies. – 2010. – Vol. 19, N 2. – P. 230–265; Avant D.D. The market for force. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2005. – P. 43, 128–133; Stanger A. One nation under contract: The outsourcing of American power and the future of foreign policy. – New Haven, CT: Yale univ. press, 2009. – P. 90; Singer P.W. Corporate warriors: The rise of the privatized military industry. – Ithaca, NY: Cornell univ. press, 2003. – P. 209–215.

² Schwartz M. The department of defense's use of private security contractors in Afghanistan and Iraq: Background, analysis, and options for congress. – Washington, DC: Congressional research service, 2011. – P. 28–29.

привлечения подрядчиков путём расширения или ограничения определенных функций сторонних организаций.

В первой части статьи Э. Кусумано рассматривает военные ролевые концепции США и Великобритании.

Приверженцы концепции военной приватизации утверждают, что вооруженные силы должны играть роль «ядра» и выполнять основные функции, передавая сторонним организациям функции дополнительные с тем, чтобы одновременно сократить расходы и повысить эффективность. Однако государственные вооруженные силы имеют свое понимание того, в чем же заключаются их ключевые компетенции.

Военные ролевые концепции, определяемые как разделяемое понимание «конкретных целей военной организации и военной силы в международных отношениях», являются важным фактором, детерминирующим передачу (или непередачу) каких-либо задач частным структурам.

Военные ролевые концепции США

Элементом организационной культуры армии США, складывавшейся с учетом опыта двух мировых войн и в условиях ожидания обострения конфронтации с советским блоком в форме крупномасштабных наземных операций в Европе, является фиксация на выполнении операций с высокой интенсивностью боевых действий. Это, в свою очередь, сформировало американскую военную ролевую концепцию.

Узкоспециализированная ролевая концепция вооруженных сил США обусловила их неспособность успешно участвовать в контрповстанческих и миротворческих операциях. После окончания холодной войны, участие США в операциях по поддержанию мира в Боснии, Сомали и Косово встретило значительное сопротивление в рядах военного командования.

Благодаря ориентации на ведение боевых действий, можно ожидать, что американская военная ролевая концепция будет благоприятствовать приватизации большого количества вспомогательных функций,

рассматриваемых как второстепенные в своей узкоспециализированной организационной основе.

Военные ролевые концепции Великобритании

Британский подход к формированию большой стратегии традиционно характеризуется наличием дилеммы между приоритетностью обороны империи и сохранением европейского баланса сил. Как утверждал Р. Кэссиди, «история и география вынудили британскую армию решать широкий круг проблем»¹. Военные ведомства разработали общую концепцию, согласно которой их роль заключалась в том, чтобы «обеспечить безопасность, стабильность и устойчивость империи»².

В период холодной войны необходимость участвовать в обеспечении европейской обороны в виде членства в НАТО вынудила британскую армию приспособиться к трансформации своей организационной культуры.

Тенденция британских ВС к расширению своей ролевой концепции была усилена доктринальными разработками после окончания холодной войны³.

Из-за ролевой концепции, основанной на нерегулярных боевых действиях, ВС Великобритании легче адаптировались к боевым реалиям после холодной войны, показывая большую эффективность, чем Соединенные Штаты в проведении операций по поддержанию мира и операций по принуждению к миру.

В силу исторического наследия, британские ВС выбрали и приняли внутригосударственную безопасность, борьбу с повстанцами и поддержание порядка в империи в качестве основных функций. Соответственно, в силу приверженности расширительной трактовке своей ролевой концепции,

---

¹ Cassidy R. *Peacekeeping in the Abyss: British and American peacekeeping doctrine and practice after the cold war.* – Westport, CT: Praeger, 2004. – P. 40.

² Strachan H. *The British way in warfare // Oxford history of the British army / Ed. by D. Chandler, I. Beckett.* – N.Y.: Oxford univ. press, 1996. – P. 403–404.

³ Cassidy R. *Peacekeeping in the Abyss.* P. 50.

британские вооруженные силы должны быть менее склонными к передаче функций сторонним структурам.

Во второй части статьи автор анализирует отличия сфер привлечения сторонних подрядчиков США и Великобритании.

Военная приватизация и организационная культура вооруженных сил США

Ролевая концепция ВС США, основанная на боевой составляющей, создала благоприятную среду для приватизации большого количества функций. Уже во времена холодной войны, администрациями США были введены нормы участия коммерческого сектора в деятельности органов государственного управления, в том числе обороны. «Циркуляр-76» Административно-бюджетного управления при президенте США, принятый в период администрации Эйзенхауэра, не позволяет правительству «конкурировать с собственными гражданами»¹. При этом утверждается, что «коммерческая деятельность, которая может быть выполнена частным сектором, не должна осуществляться непосредственно правительственными структурами»². В ответ на пересмотр «циркуляра-76», в 1985 г. армия США разработала Программу по увеличению гражданского участия в обеспечении тыла (LOGistics Civil Augmentation Program, LOGCAP), которая допускает аутсорсинг услуг большого диапазона, таких как: снабжение продовольствием, топливом, водой и оборудованием, поддержка и строительство баз, связь и транспортировка.

Тенденция приватизации наметилась после окончания холодной войны, в условиях сокращения кадровых и финансовых ресурсов. В период администрации Клинтона, Министерство обороны «прилагало систематические усилия, чтобы уменьшить расходы и повысить эффективность собственной сферы поддержки на основе аутсорсинга, приватизации и конкуренции».

---

¹ Stanger A. One nation under contract: The outsourcing of American power and the future of foreign policy. – New Haven, CT: Yale univ. press, 2009. – P. 15.

² Valerie Bailey Grasso, Defense outsourcing: The OMB circular A-76 Policy, (Washington, DC: Congressional Research Service, 2005), P. 2.

Результаты этих усилий нашли отражение в составленном уже при администрации Буша, четырехлетнем обзоре военной политики 2002 года, посвящённом приватизации всех видов деятельности, непосредственно не связанных с ведением боевых действий¹. В то время как гражданские директивы заложили основы участия подрядчиков в боевом обеспечении, стратегические предпочтения американских военных командиров сыграли важную роль в процессе приватизации. Командиры армии США пользовались большой свободой в принятии решений о сокращении своих войск, отдавая приоритет приватизации второстепенных функций для того, чтобы оставить организационное ядро вооруженных сил США нетронутым настолько, насколько это возможно.

Следовательно, ЧВОК начали брать на себя целый ряд новых функций. Например, сотрудники DynCorp были наняты в качестве пограничных наблюдателей, специалистов по борьбе с наркотиками и представителей международных полицейских сил.

Подрядчики сыграли ключевую роль в отдельных военных консультативных миссиях США в Африке, таких как «Инициатива реагирования на кризисные ситуации в Африке», «Программа обучения и помощи африканским миротворческим контингентам» и «Программа африканского миротворческого процесса». Эти миссии помогли африканским странам наладить процесс по поддержанию мира. В 2003 г., подготовка новых вооруженных сил Либерии была передована DynCorp и Pacific Architects and Engineers. ВС США сообщили о невозможности квалифицированной помощи ВС Либерии из-за их обязательств в Ираке и Афганистане.

Функции по охране объектов и обеспечению безопасности персонала рассматриваются американскими ВС как второстепенные. На самом деле, выполнение таких задач, как охрана КПП, считается неквалифицированной и

---

¹ United States department of defense, 'Quadrennial defense review report' (Washington, DC: Quadrennial defense review, February 2010), P. 52.

унижающей военнослужащих. В целом, операции по обеспечению безопасности, такие как патрулирование и деятельность по поддержанию правопорядка, представляют из себя то, с чем американские военные, по мнению автора, справляются хуже всего.

Вооруженные наёмники стали привлекаться для создания периметра безопасности во время американских военных операций в бывшей Югославии. По состоянию на декабрь 2010 г., ВС США имели около 27 тыс. наёмников в сфере безопасности в Ираке и Афганистане.

Будучи структурами, ориентированными на ведение боевых действий, ВС США и армия, в частности, рассматривают аутсорсинг задач (ранее считавшихся второстепенными), таких как обучение иностранных военных и вооруженная охрана, в качестве фактора повышения боевой эффективности, поскольку этот механизм предоставляет военнослужащим возможность сосредоточиться на своих основных функциях.

Военная приватизация и организационная культура вооруженных сил Великобритании

Даже если Министерство обороны Великобритании и способствовало вовлечению частного сектора в такие сферы, как финансирование оборонных инициатив и управление внутренними базами и объектами, британские вооруженные силы оказались не вполне готовы к передаче функций боевого обеспечения и особенно ведения военных действий.

Тем не менее, в изданном в 1991 г. документе *Competing for Quality White Paper* были установлены принципы конкуренции между внутригосударственными и частными поставщиками оборонных услуг. В 2004 г. была запущена программа *Contractor Logistics (CONLOG)*. Схожая с американским *LOGCAP*, она обеспечивает ВС Великобритании возможность получать услуги по боевому обеспечению от коммерческого сектора.

По состоянию на 2010 г. Министерство обороны Великобритании прибегло к услугам 6500–7000 наемников, участвовавших в операциях в

регионе Персидского залива, в Афганистане, на Балканах и т.п.¹. Подрядчики выполняли множество функций, отвечая за: техническое обеспечение, продовольственное снабжение, транспортировку, обслуживающий персонал, медицинские услуги, воздушную и морскую поддержки. Приватизация сферы боевого обеспечения британских вооруженных сил, однако, не включила такие направления как вооруженная охрана и подготовка иностранных военных специалистов.

Несмотря на это, британские ВС по-прежнему воздерживаются от аутсорсинга, допуская его только в «исключительных случаях»². В отличие от Министерства обороны США, МО Великобритании традиционно «полагается на свои собственные ресурсы вместо привлечения вооруженных наемников при выполнении определенных функций»³. Во время операций в Ираке и Афганистане Великобритания страдала от постоянной нехватки кадровых ресурсов, однако ее ВС не прибегли к помощи вооруженных наемников, чтобы освободить своих военнослужащих для решения боевых задач.

В то время как ВС Великобритании передавали функции по обеспечению безопасности лишь в исключительных случаях, другие британские структуры, такие как Министерство по делам Содружества и Министерство международного развития достаточно активно использовали вооруженных наемников.

В целом, благодаря расширительному толкованию своей ролевой концепции, ВС Великобритании проявили большее сопротивление приватизации таких функций, как вооруженная охрана и подготовка иностранных военных специалистов, в сравнении со своими американскими коллегами.

---

¹ Higginson A. Contractor support to operations (CSO) – Proactive or Reactive support? // RUSI defence systems – 20 December 2010. – P. 16.

² United Kingdom ministry of defence, Tiger team final report, ‘Contractor support to operations’ (L, 16 March 2010), P. 5.

³ Kinsey C. Private contractors and the reconstruction of Iraq // Int. security. – 2013. – P. 87.

В заключении автор подчеркивает, что анализ национальной специфики военных ролевых концепций способствует лучшему пониманию страновых различий в масштабах привлечения подрядчиков.

К.В. Потылицын

МОНТЕН ДЖ. ИНТЕРВЕНЦИЯ И ГОСУДАРСТВЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОПЫТА ЯПОНИИ, ИРАКА И АФГАНИСТАНА¹.

MONTEN J. Intervention and state-building: comparative lessons from Japan, Iraq, and Afghanistan // ANNALS, AAPSS. – November 2014. – Vol. 656. – P. 173–191.

Ключевые слова: вооружённая интервенция; государственное строительство; продвижение демократии; политические институты.

К началу 2000-х гг. последствия интернационализации внутренних вооруженных конфликтов в Ираке и Афганистане, заставили международное научно-политическое сообщество задуматься, способно ли вмешательство извне помочь слабым и нестабильным государствам в успешном переходе к устойчивым демократиям. В настоящей статье Джонатан Монтен (Университет Оклахомы, США) пытается ответить на вышеозначенный вопрос, сравнив влияние американских вооружённых интервенций в сочетании с помощью извне на процессы государственного строительства в различных странах.

Изучение именно американского опыта применения военного вмешательства в качестве механизма создания прочных институтов в нестабильных государствах представляется плодотворным по следующим причинам. Во-первых, Соединённые Штаты прибегали к данной стратегии чаще, чем любое другое государство, за последнее столетие приняв участие в

---

¹ Сокращенная версия данного реферата была опубликована в издании Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11.: РЖ / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. – М., 2017. – № 1. – С. 87–94.

более чем двух десятках операций по смене режимов¹. Во-вторых, американские вооружённые интервенции часто сопровождались масштабными программами помощи, нацеленными на реконструкцию экономики и политических институтов оккупированного государства.

Исходя из масштабов, силы и типа политического режима в целевых государствах, автор выделяет и последовательно анализирует три исторических кейса: Япония (начиная с 1945 г.) [с. 178–181], Афганистан (с 2001 г.) [с. 182–183], и Ирак (с 2003 г.) [с. 181–182].

Во всех трех случаях Соединённые Штаты использовали вооружённую интервенцию, оккупацию и реконструкцию в целях создания демократических и жизнеспособных в условиях отсутствия внешней поддержки государств, однако достигли совершенно противоположных результатов. В то время как оккупация Японии, констатирует Дж. Монтен, соглашаясь с оценкой американского стратегического исследовательского центра РЭНД, «задала стандарты постконфликтной трансформации, которой не было равных в истории», усилия официального Вашингтона по стабилизации ситуации в Ираке обернулись превращением последнего в «недееспособное государство»² («instant failed state») [с. 174]. Статья содержит детальный критический обзор уже опубликованных работ, посвященных анализу причин подобного расхождения [с. 183–188].

---

¹ В период с 1900 по 2003 гг. Соединённые Штаты участвовали в 28 кампаниях по смене режима извне. В большей части рассматриваемых эпизодов (15) Соединённые Штаты силой устраняли лидера правительства и ставили на его место другое лицо, но не пытались изменить или расширить политические институты государства. В отдельных случаях (13) США, смещая политического лидера, шли на изменение государственных институтов. См.: Downes A., Monten J. Forced to be free: Why foreign-imposed regime change rarely leads to democratization // International security – 2013. – Vol. 37, N 4. – P. 90–131.

² См.: Mueller J. The Iraq syndrome // Foreign affairs – 2005. – Vol. 84, N 6. – P. – 44–54.

Автор обозначает наличие четырех исследовательских подходов, различающихся в зависимости от того, влияние какого именно обстоятельства рассматривается в них в качестве определяющего: 1) степень вовлеченности страны-интервента (level of commitment by intervening state); 2) изначальные экономические, политические и социальные условия в целевом государстве; 3) стимулы, порождаемые международными программами помощи; 4) идеациональные факторы (ideational factors) [с. 184].

Степень вовлеченности определяется такими показателями, как продолжительность кампании и уровень инвестирования материальных ресурсов. Джеймс Доббинс, а также ряд других экспертов¹ утверждают, что «среди контролируемых факторов детерминирующим является уровень затрат (level of effort), измеряемый временем, живой силой и деньгами». П. Минксин, С. Амин и С. Гарз² сходятся во мнении, что «большая степень вовлеченности работает по принципу рычага, увеличивая потенциал для осуществления политики реконструкции». Однако автор статьи обращает внимание на несостоятельность доказательной базы данных исследований. Он подчёркивает, что Соединённые Штаты сохраняли свое присутствие на протяжении 9 лет в Ираке и более чем 10 – в Афганистане, однако достигли при этом весьма ограниченных и нивелирующихся (кейс Афганистана) результатов. В Японии, напротив, общая продолжительность американской оккупации составила 7 лет, а большинство институциональных реформ было проведено в течение 1945 – 1948 гг.. Объёмы поддержки извне, по мнению автора, также не коррелируют с итогами процесса государственного строительства в вышеозначенных странах. Так Соединённые Штаты оказали помощь Японии в размере 15,2 млрд долл.;

---

¹ America's role in nation-building: From Germany to Iraq. Santa Monica / Dobbins J., McGinn J., Crane K., Jones S.G., Lal R., Rathmell R.A., Swanger M., Timilsina A. – CA: RAND Corporation. – 2003.

² Minxin P., Amin S., Garz S. Building nations: The American experience. In Nation building: Beyond Iraq and Afghanistan / Ed. F. Fukuyama. – Baltimore, (MD): Johns Hopkins univ. press, 2006. –P. 64–85.

Германии (период 1945 – 1952 гг.) – 29,3 млрд долл., что эквивалентно первым трём годам оккупации Ирака. Однако именно первые два случая рассматриваются академическим сообществом, как примеры успешного демократического государственного строительства. В случае с Афганистаном только 54 млрд долл. было потрачено на обучение и снаряжение афганских военных и полицейских (Фонд Сил Безопасности Афганистана; ФСБА – Afghanistan Security Forces Fund, ASFF). Тем не менее данные организации всё ещё зависят от США в ключевых материально-технических и военных аспектах [с. 184].

Изначальные условия в целевом государстве (наличие предшествующего опыта демократического правления или строительства бюрократических государственных институтов). Согласно Дж. Браунли, «за последнее столетие результаты государственного строительства в значительной степени определялись историческими предпосылками общества-реципиента» и «уже имеющиеся бюрократические и парламентские институты целевого общества увеличивают потенциал политики реконструкции»¹. Ф. Фукуяма подчёркивает, что довоенный административный потенциал Японии и Германии был перенесён в поствоенный период, что определило успех Соединённых Штатов² [с. 185].

Приверженцы сравнительной политологии утверждают, что отсутствие благоприятных внутренних предпосылок (таких как, этническая гомогенность, хорошие темпы экономического развития) может стать существенным препятствием к созданию стабильных демократических институтов после завершения иностранной интервенции [с. 185]. Согласно Л. Даймонду, «теория о существовании тесной взаимосвязи между уровнем экономического развития страны и её способностью стать демократией является крайне

---

¹ Brownlee J. Can America nation-build? // World politics – 2007. – Vol. 59, N 2. – P. 339.

² Fukuyama F. State-building: Order and governance in the 21st century. – Ithaca, N.Y.: Cornell univ. press, 2004. – P. 38.

распространённой в общественных науках и наибольшей степени подкреплённой доказательствами»¹. Другие исследователи отмечают трудность поддержания демократии в странах с глубокой социальной неоднородностью, включая этнические, языковые и религиозные различия². Сам Дж. Монтен полагает, что государства с высоким уровнем дохода на душу населения и низким уровнем этнической раздробленности в большей степени приспособлены к переходу к демократии в результате иностранной интервенции³.

Суммируя изученный историографический материал, Дж. Монтен формулирует общий тезис о том, что потенциал успешного государственного строительства стран определяется их прошлым [с. 185].

Помощь и стимулы. Сторонники данного подхода указывают, что поддержка извне может нивелировать внутренний потенциал страны: национальные лидеры могут утратить стимул инвестировать ресурсы в увеличение потенциала государства в тех областях, которые уже спонсируются международными акторами. Аналогичные трудности могут возникнуть при большей (чем национальных лидеров) заинтересованности зарубежного интервента в достижении конкретных политических целей. В других случаях международная помощь фактически поддерживает и легитимизирует лидеров нефункциональных и слабых государств⁴. В социальном плане подобная динамика развития событий зачастую несет в себе определенный «моральный риск» (*moral hazard*): привыкшие к внешней поддержке государственные

---

¹ Diamond L. The spirit of democracy: The struggle to build free societies throughout the world. – N.Y.: Times books, 2008. – P. 95–96.

² См. в частности: Horowitz D. Democracy in divided societies // J. of democracy – 1993 – Vol. 4, N 4. – P. 18–38; Arend L. Democracy in plural societies: A comparative exploration. – New Haven (CT): Yale univ. press, 1977.

³ Downes A., Monten J. Forced to be free: Why foreign-imposed regime change rarely leads to democratization // International security – 2013. — Vol. 37, N 4 – P. 90–131.

⁴ Jackson R., Rosberg C. Why Africa's weak states persist: The empirical and the juridical in statehood // World politics – 1982. – Vol. 35, N 1. – P. 1–24.

лидеры начинают вести себя все более безрассудно, полагая, что застрахованны от провала своими международными союзниками¹. Как отметил Л. Даймонд в эфире Национального Общественного Радио в 2006 г.: «Различные иракские партии не несут моральной и политической ответственности за будущее своей страны... они знают, что 140 тысяч американских военных поддерживают безопасность в стране».

Идеациональные факторы. В рамках либерального подхода Б. Грин выделяет 2 типа лидеров²: 1) с «позитивным» отношением к свободе; 2) с «негативным» восприятием свободы, т.е. полагающих ключевым условием демократии наложение ограничений на размер и силу государства. Так, приводит пример Дж. Монтен, администрация Г. Трумэна идентифицировала себя с либеральной идеологией «Нового курса»³, который инициировал масштабную экспансию федерального правительства в экономику и социальную сферу⁴.

«Нового курса» оказал влияние на ход американской демократизации Японии. На стадии планирования, реализации и продвижения демократических реформ должностные лица США стремились использовать государственное вмешательство. Ключевые посты в Главном Командовании Союзных Войск (ГКСВ)⁵ занимались людьми, имевшими опыт работы в регулирующих органах

---

¹ Byman D. Friends like these: Counterinsurgency and the war on terrorism // International security – 2006. – Vol. 31, N 2. – P. 79–115.

² Green B. Two concepts of liberty: U.S. Cold War grand strategies and the liberal tradition // International security – 2012. – Vol. 37, N 2. – P. 9–43.

³ «Новый курс» (New Deal) – название экономической политики, проводимой администрацией Франклина Делано Рузвельта, начиная с 1933 г. с целью выхода из масштабного экономического кризиса (Великая депрессия), охватившего США с 1929 по 1933 гг. – *Прим. реф.*

⁴ Hamby A. Liberalism and its challengers: FDR to Reagan. – N.Y: Oxford univ. press. – 1985.

⁵ Для преобразования Японии в стабильную либеральную демократию, Соединённые Штаты учредили массивную оккупационную структуру, Главное Командование Союзных Войск (ГКСВ), под началом генерала Дугласа Макартура. Программа ГКСВ включала в себя не только формирование новое

при имплементации «Нового курса» (1930–1940-е годы). Уроки и институциональные решения «Нового курса» применялись ими в отношении Японии. Вместо демонтажа японской государственности, оккупация сохранила её и направила по пути социальных и экономических реформ, нацеленных на распределение национального дохода, расширение среднего класса и углубление социального плюрализма. Подобная политика создавала условия для устойчивой либеральной демократии в Японии, так как суверенитет был делегирован избранному правительству [с. 187].

В противоположность этому, в современном консерватизме доминирует мнение о необходимости сокращения вмешательства и влияния федерального правительства Соединённых Штатов и отхода от концепции «государства всеобщего благосостояния». В своей внутренней политике консерваторы провозглашают сокращение государственного сектора; предлагают решения, генерируемые свободным рынком, для преодоления проблем государственной политики; отмечают непредсказуемость последствий и негативные аспекты крупных государственных программ. Как писал Ф. Фукуяма в 2004 г.: «Доминантной тенденцией в мировой политике последнего поколения была критика «большого правительства» и попытка переместить весь функционал из государственного сектора в частный или передать его гражданскому обществу»¹. Согласно Э. Флибберту, администрация Буша «была идеологически предрасположена к уничтожению государственной власти в Ираке»² [с. 188].

конституции и организацию выборов, но и более широкий спектр институциональных и экономических реформ, направленных на создание условий для существования устойчивой либеральной демократии и плюралистического общества. – *Прим. реф.*

¹ Fukuyama F. State-building: Order and governance in the 21st century. – Ithaca, N.Y.: Cornell univ. press, 2004.

² Flibbert A. The consequences of forced state failure in Iraq // Political science quarterly –2013. –Vol. 128, N 1. – P. 91.

В заключение Дж. Монтен представляет обоснование практической ценности проведённого им исследования для углубления понимания проблематики государственного строительства с участием внешних акторов и резюмирует основные выводы статьи [с. 188–189].

Во-первых, по мнению автора, для международных акторов проще сохранить существующую государственную систему, чем создать её. Ключевым фактором, определившим успех японского кейса, было решение Соединённых Штатов сохранить бюрократическую базу японского государства, провести чистку лиц, связанных с довоенным националистическим движением, не растерять важные институциональные знания, а стимулировать государственную власть содействовать социальным и экономическим реформам. Многие исследователи считают, что повальная чистка среди иракских военных и баасистов существенно ослабила иракское государство. По мнению Дж. Монтена, проблема заключается в нахождении внешними интервентами баланса между привлечением к ответственности лиц за преступления или злоупотребления властью и сохранением их институциональных знаний и опыта, имеющих решающее значение для реализации потенциала государства.

Во-вторых, в то время как поддержка извне обеспечивает население общественными благами, она может препятствовать инвестициям в те институты, которые смогут предоставить эти блага в отсутствие иностранных игроков. Именно поэтому широкомасштабные программы помощи со стороны США, направленные, в том числе, на совершенствование системы государственной безопасности Ирака и Афганистана, пользовались ограниченным успехом в создании независимых национальных структур. Дж. Монтен видит задачу будущих исследований в установлении чёткой структуры программ помощи, призванной свести к минимуму вытеснение национальных инвесторов зарубежными и риски недобросовестного финансового поведения.

В-третьих, автор считает необходимым определить степень, в которой успех государственного строительства обусловлен действиями интервента или структуральными условиями, неподконтрольными ему (такими, как существующие экономические обстоятельства или политический опыт целевого государства). Если предположить, что данные структурные факторы определяют успех государственного строительства, то ни объём, ни форма, ни администрирование программ оказания помощи существенно не улучшат ситуацию, подытоживает Монтен.

К.К. Царёв

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

аль-КУРТУБИ С. МЕЖЭТНИЧЕСКОЕ НАСИЛИЕ, СЕПАРАТИЗМ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРИМИРЕНИЕ В ТУРЦИИ И ИНДОНЕЗИИ.

AL QURTUBY S. Interethnic Violence, separatism and political reconciliation in Turkey and Indonesia // *India quarterly* – SAGE, 2015. – Vol. 71, N 2. – P. 126–145.

Ключевые слова: Индонезия; конфликт; Турция; Курдская рабочая партия; движение «Свободный Ачех»; Джакарта; Анкара; курды.

В своей статье Суманто аль-Куртуби (Университет нефти и полезных ископаемых имени короля Фахда, Саудовская Аравия) проводит сравнительный анализ динамики межэтнического насилия и развития сепаратистских движений в Турции и Индонезии, а также определяет роль центральных органов власти двух вышеозначенных стран в разрешении проблем сепаратизма. Особое внимание в работе уделяется турецко-курдскому конфликту и вспышкам насилия в индонезийской провинции Ачех; также оценивается готовность Курдской рабочей партии (КРП) и движения «Свободный Ачех» (Gerakan Aceh Merdeka, GAM) к достижению примирения и согласия. Детально анализируя попытки политического примирения между Анкарой и КРП, Джакартой и GAM, автор выявляет глубинные причины, определившие неудачу Турции и успех Индонезии в снижении этнополитической конфликтности.

Турция и Индонезия – два мусульманских государства, столкнувшиеся с одними и теми же вызовами: насилием на этнической почве и сепаратизмом. Но если власти Индонезии в 2005 г. все же подписали мирное соглашение (меморандум о взаимопонимании) с группировкой «Свободный Ачех», то турецкое правительство все еще безуспешно пытается добиться политического примирения с Курдской рабочей партией [с. 127].

Турция: межэтнический конфликт, сепаратизм и хрупкое политическое примирение

Американский дипломат и бывший посол США в Турции Мортон Айзек Абрамовиц в свое время заявил, что курдская проблема является одной из наиболее болезненных и «морально затруднительных» для Анкары. Действительно, вопрос о статусе курдского населения в составе Турции обсуждается уже более 20 лет, но эта тема уходит своими корнями еще в период основания Турецкой республики (1923) [с. 128].

На разрешение конфликта между национальными властями и КРП было потрачено немало усилий, однако до сих пор стороны участвуют в боевых действиях.

Руководство турецких вооруженных сил видит в КРП террористическую группу, которая стремится ослабить политическую, экономическую и территориальную целостность Турции. В стремлении воспрепятствовать созданию отдельного государства на юго-востоке Республики руководители Минобороны Турции заявляют о том, что военное решение будет лучшим решением «курдского вопроса». Неготовность военных к политическому диалогу с КРП автор настоящей статьи полагает одним из главных препятствий на пути урегулирования взаимоотношений Анкары с курдским этническим меньшинством.

На сегодняшний день представители национальной властной элиты в большинстве своем выступают против использования курдского языка в общественной и политической деятельности (например, в СМИ), полагая это нарушением действующей Конституции страны, согласно которой турецкий, признанный единственным государственным языком, обладает абсолютным верховенством.

Тем не менее, в истории взаимоотношений властей с курдами были свои «светлые страницы», так, в период правления восьмого президента Турции Тургута Озала (1989–1993) был снят запрет на использование курдского языка в повседневной жизни, а также – на фольклорную музыку. Президент смог добиться начала мирных переговоров между КРП и правительством, что, по

мнению автора, стало возможным в силу его изначально уважительного отношения к лидеру Курдской рабочей партии – Абдулле Оджалану [с. 129].

Однако договоренностям между Озалом и Оджаланом пришел конец уже в 1992 г., и новая, более жесткая политика турецкого правительства в отношении курдов привела к эскалации конфликта.

В 1994 г. Тансу Чиллер, первая женщина премьер-министр Турции, использовала 8 млрд долл., полученных от США, на проведение военных операций в районах компактного проживания курдов, на юго-востоке страны. Представители курдов были выведены из состава правительства. Последовали государственные репрессии в форме похищений и убийств лидеров курдских политических партий, чиновников, и представителей интеллигенции. В 1999 г. был арестован Абдулла Оджалан. Его сторонники потребовали от турецких властей освобождения лидера КРП, утверждая, что без непосредственного участия последнего решить курдскую проблему невозможно. Но власти ответили продолжением арестов особо заметных активистов, поддерживавших курдский сепаратизм и Оджалана.

23 января 2000 г. в рамках своего седьмого съезда КРП приняла «мирный проект», допускавший урегулирование отношений с Анкарой без создания отдельного курдского государства. Основу данного соглашения составили требования признания курдской идентичности и права получения курдами образования на родном языке; увеличения инвестиций в юговосточные районы страны; освобождения Оджалана; а также пункт об отмене режима чрезвычайного положения.

В 2012 г. Турция начала переговоры с Оджаланом. В рамках переговоров по урегулированию конфликта КРП объявила о прекращении огня. Однако, как подчеркивает аль-Куртуби, интересы КРП не отражают позицию всех курдских этнических групп.

В 2014 г. турецкое правительство представило пакет реформ, которые должны были позволить использовать курдский язык в избирательных

кампаниях, снять ограничения на использование курдского языка в частных школах, а также на использование курдских имен в курдских городах.

Большая часть курдов сочла предлагаемые реформы «половинчатыми» по сути, так как последние затронули только *частные* школы, в то время как курды настаивали на праве получать *государственное* образование на родном языке [с. 131–132].

К сожалению, резюмирует автор, в Турции все еще существуют мощные силы, в первую очередь, представители военных ведомств, не заинтересованные в поиске мирного и демократического решения курдской проблемы. Они опасаются не только потери территориальной целостности Турции, но и своих собственных привилегированных позиций [с.132].

Ачех, Индонезия: политическое насилие, сепаратизм и мирное соглашение

15 августа 2005 г. правительство Индонезии и GAM подписали в Финляндии так называемое Хельсинское мирное соглашение, положившее конец самому кровопролитному сепаратистскому конфликту в Азии.

До начала 1904 г. существовал независимый мусульманский султанат Ачех. Султанат сопротивляется британцам и голландцам в колониальную эпоху (с 1873 по 1904 гг. – Ачехская война). Индонезия в это время входила в состав голландской колониальной империи. После того, как в 1945 г. по итогам Второй мировой войны Индонезия получила независимость, в стране, объединяющей десятки народов и этнических групп, имеющих значительные отличия друг от друга и богатую историю собственной суверенной государственности, распространились сепаратистские настроения. Одним из очагов сепаратизма стала богатая запасами нефти и газа провинция Ачех. С 1953 по 1962 гг. длилось «восстание» Ачеха в составе Индонезии (требование Ачеха – сделать Индонезию исламским государством). Для того, чтобы не подвергать страну разделению, Джакарта, предоставила Ачеху особую автономию. Лишь на этом

условии региональные правящие группы согласились остаться в пределах Индонезии [с. 133].

Ачехский сепаратизм основывается на двух столпах – исламском фундаментализме и исторической традиции ачехской государственности. Начиная со второй половины XX в. росту ачехского национализма способствовали увеличение количества выходцев из перенаселенной Явы в автономии, а также недовольство деятельностью западных и индонезийских корпораций, ведущих разработку природных ресурсов на территории региона.

В декабре 1976 г. Теунгку Хассан Мухаммад ди Тиро – потомок легендарного религиозного вождя эпохи Ачехской войны с голландцами, – провозгласил политическую независимость Ачеха и основал движение «Свободный Ачех». Сразу же последовали ответные силовые действия индонезийских властей.

В период пребывания на посту президента Индонезии Хаджи Мухаммеда Сухарто (1966–1998) каких-либо мирных демократических решений в отношении проблемы Ачех принято не было. Единственным методом борьбы с сепаратизмом стало военное подавление.

К 1996 г. было объявлено о конце GAM как блока, ведущего партизанскую войну. Выжившие члены GAM были вынуждены скрываться в Малайзии и прилегающим к ней районам.

После смерти Сухарто в мае 1998 г. движение GAM возобновило свою деятельность. Оно получило широкое распространение и большую поддержку со стороны автохтонного населения Ачех [с. 135].

Новый президент Индонезии Абдурахман Вахид призвал противоборствующие стороны к примирению и началу переговоров. В октябре 1999 г. им была создана независимая комиссия, которая внесла большой вклад в достижение мирных договоренностей.

По мнению автора, Вахид, в стремлении найти наиболее эффективные пути разрешения проблемы, воспринял представителей GAM не как

политических повстанцев, а как возможных партнеров по диалогу. Помимо этого, отмечает аль-Куртуби, новый политический лидер сыграл важную роль в расширении возможностей гражданского общества в Ачех, благодаря проведению целого ряда встреч с местными общественными деятелями, мусульманскими учеными, активистами, студентами [с.136].

В начале 1999 г. конфликт в Ачехе усилился; все громче раздавались требования проведения референдума о независимости, подобного голосованию другом сепаратистском регионе – в Восточном Тиморе. Власти в Джакарте снизили напряженность инициировав две важные программы: «Гуманитарная пауза» и «Особая автономия».

«Гуманитарная пауза» включала в себя прекращение огня и предоставление гуманитарной помощи жителям Ачех в течение трех месяцев. «Особая автономия» предусматривала введение прямых выборов губернатора в Ачех, а также глав районов. Первая позволила избежать боевых действий, а вторая – резко снизила степень насилия.

В феврале 2003 г. индонезийские военные стали обвинять GAM в несоблюдении условий прекращения огня, а также в том, что регулярно проводящиеся на территории Ачеха митинги нарушают принципы предоставления провинции специальной автономии. В результате число вооруженных столкновений заметно возросло. К концу апреля 2003 г. ситуация достигла кризиса. Правительство Индонезии предоставило GAM двухнедельный срок для начала переговоров, обозначив, что в противном случае – возобновится военное наступление. В конечном итоге президент Мегавати Сукарнопутри объявила в Ачехе военное положение, армия начала операцию против GAM, что привело к новым кровавым конфликтам в провинции.

26 декабря 2004 г. у берегов Суматры произошло сильнейшее за последние 40 лет землетрясение магнитудой в 9,0 баллов по шкале Рихтера, вызвавшее цунами, и обернувшееся катастрофическими последствиями для

Индонезии. Ачех пострадал в наибольшей степени и был объявлен зоной национального бедствия.

Столкнувшись со столь разрушительными последствиями разгула природной стихии, власти Индонезии были вынуждены возобновить контакты с вооруженными сепаратистами с тем, чтобы хотя бы временно остановить насилие в провинции. Прибывший в Ачех президент Индонезии Сусило Бамбанг Юдойоно призвал действующих в провинции боевиков из GAM к прекращению огня. Однако, несмотря на объявленное тогда же перемирие, стороны так и не приостановили боевых операций, постоянно обвиняя противника в провокациях.

В конце января 2005 власти Индонезии потребовали, чтобы военные других государств (речь идет, в частности, о силах США, Японии, Австралии и Сингапура), помогающие в восстановлении провинции Ачех, покинули страну до конца марта. Вновь были ужесточены правила работы в провинции сотрудников гуманитарных организаций и иностранных журналистов, временно ослабленные в конце декабря. Как предполагают, все эти меры были приняты, чтобы попытаться восстановить контроль центра над Ачехом.

Между тем, возможность мирного урегулирования кризиса и будущего статуса провинции обсуждалась между делегацией правительства Республики Индонезия и так называемого правительства Ачеха в изгнании на переговорах, состоявшихся в Хельсинки 28–30 января 2005 г. Сторонами была достигнута договоренность о сохранении временного перемирия, а также были сформулированы конкретные предложения для достижения мира. Так, в частности повстанцы подтвердили готовность отказаться от своего требования немедленной независимости в обмен на предоставление провинции реальной автономии и проведение в ближайшие 5–10 лет референдума по вопросу о статусе.

Мирное соглашение между Ачех и Джакартой было подписано 15 августа 2005 г., после пяти раундов переговоров.

11 декабря 2006 г. граждане Ачех впервые приняли участие в прямых демократических местных выборах [с. 139].

Методы разрешения конфликта в Турции и Индонезии

На основании проведенного сравнительного анализа автор пришел к следующим выводам о причинах более успешного, по сравнению с Турцией, разрешения конфликта центральной власти с сепаратистскими группами в Индонезии.

Важнейшим фактором, определившим динамику развития конфликтов, аль-Куртуби считает позицию военных и сил безопасности. И в Турции, и в Индонезии данные группы обладают особым влиянием на политическую жизнь государства. При этом военные Турции, в отличие от своих индонезийских коллег, *последовательно* отстаивают концепцию силового решения курдской проблемы.

Задействовав третью сторону в переговорах, Индонезия создала более благоприятные условия для разрешений конфликта. В Турции же не существует нейтральной третьей стороны, которая смогла бы выступить в роли посредника при проведении переговоров между Анкарой и КРП.

После смерти Сухарто Джакарта перешла от авторитаризма к политике «либеральной демократии», предполагающей свободные выборы, расширение спектра политических партий, свободу прессы и соблюдение гражданских свобод. В соответствующей политической атмосфере само общество оказалось заинтересовано в разрешении конфликта путем переговоров, а не силового вмешательства. В Турции, напротив, большая часть населения воспринимает КРП, как террористов. По мнению аль-Куртуби, подобное отождествление контрпродуктивно, с учетом того, что весь курдский народ тайно или явно поддерживает данную организацию.

Большая часть населения Турции и Индонезии исповедует ислам. Однако индонезийских мусульман отличает исключительная разобщенность. Отсюда – великое множество различных исламских объединений и партий, имеющих

собственные программы и собственные взгляды на толкование Корана. Ачехцы рассматривают себя в качестве единственных правоверных мусульман во всей Индонезии, и это придавало особую остроту конфликту провинции с центральными властями. Однако, как утверждает автор, Джакарта, в отличие от Анкары, оказалась готова услышать и частично выполнить требования «своих сепаратистов», и в результате чего в Индонезии все же был запущен процесс миростроительства.

Несмотря на все вышесказанное, аль-Куртуби, отказывается признать, что никакой надежды на турецко-курдское сотрудничество нет. Автор подчеркивает, что до тех пор, пока обе стороны полны решимости положить конец насилию и решить проблему с помощью мирных и демократических средств, есть надежда на гражданский мир в будущем.

Как бы то ни было, главная проблема в отношениях курдов и Анкары, с точки зрения аль-Куртуби, заключается в недоверии первых властям и их готовности вести борьбу до последнего патрона. Однако ситуацию можно переломить, если власть пойдет на реальные уступки, изменив законодательство, содержащее дискриминационные пункты в отношении курдов, освободив арестованных по подозрению в сочувствии к КРП и создав нормальные равноправные условия для жизни в стране. Отдельный вопрос: удастся ли властям договориться с Оджаланом и использовать его авторитет среди курдов в целях примирения. Именно такая, не ставящая во главу угла силовые методы воздействия политика, по мнению автора, может способствовать формированию «гражданской культуры» в Турции, поскольку предыдущие «миротворческие» операции доказали свою неэффективность [с.142].

Н.С. Петикян

ХЭНЛОН К. НАВСТРЕЧУ РЕГИОНАЛЬНОМУ СОТРУДНИЧЕСТВУ: ИЗМЕРЕНИЕ ВНУТРЕННЕЙ БЕЗОПАСНОСТИ¹.

HANLON Q. Toward regional cooperation: The internal security dimension // Middle East Institute Policy Paper Series. – July, 2016. – P. 1–29.

Ключевые слова: Ближний Восток; региональное сотрудничество; безопасность; измерение внутренней безопасности; реформа сектора безопасности.

Доклад Кэрин Хэнлон (основательница и президент некоммерческого института «Группа стратегического потенциала») «Навстречу региональному сотрудничеству: измерение внутренней безопасности» входит в серию публикаций по проблемам регионального сотрудничества, издаваемых Институтом Ближнего Востока (Middle East Institute).

Во введении автор обращает внимание на парадоксальный характер взаимодействия государств Ближнего Востока и Северной Африки (Middle East and North Africa, MENA): вышеозначенный регион остается одним из наименее интегрированных в мире, несмотря на наличие большого количества общих для составляющих его стран проблем и интересов. Измерение внутренней безопасности (далее – ИВБ), как перспективная область сотрудничества, представляется К. Хэнлон той сферой, где этот парадокс проявляет себя максимально наглядно.

Измерение внутренней безопасности рассматривается автором в качестве одного из компонентов сектора государственной безопасности, включающего в себя «нормативные силы, несущие миссию в области внутренней безопасности по охране общественного порядка и правопорядка» [с. 1]. К соответствующим силам К. Хэнлон относит такие функциональные единицы как: полиция,

---

¹ Сокращенная версия данного реферата была опубликована в издании Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11.: РЖ / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. – М., 2017. – № 4. – С. 164–171.

пограничные войска, контртеррористические отряды, профильные министерства (например, Министерство внутренних дел). Их задачи заключаются в обеспечении общественного порядка, предотвращении преступлений, а также осуществлении широкого спектра действий, начиная от регулирования ПДД и заканчивая защитой национальных институтов.

В отличие от сектора обороны, который является измерением внешней безопасности и имеет схожие или идентичные формы в различных государствах, в рамках ИВБ существует разнообразие организационных форм основных функциональных единиц [с. 2]. Этим обстоятельством автор объясняет то, что сотрудничество государств региона в рамках ИВБ отстает от темпов сотрудничества по другим направлениям.

Основной задачей своего исследования К. Хэнлон видит поиск конкретных решений, направленных на стабилизацию региона MENA за счет укрепления межгосударственной кооперации.

В первой части работы – «Вызовы сотрудничеству в измерении внутренней безопасности» – автор обозначает четыре группы причин, по которым региональное сотрудничество в рамках ИВБ затруднено.

Во-первых, подчеркивается неочевидность преимуществ кооперации для национальных правительств MENA на фоне проявляющих себя в полной мере рисков сотрудничества. Специфическими чертами региона, по мнению автора, являются: наличие острого соперничества между рядом государств; избыток авторитарных режимов; придание большей части информации, относящейся к сектору внутренней безопасности, статуса государственной тайны. Сотрудничество государств в области внутренней безопасности предполагало бы полное и частичное раскрытие этой информации, что несет в себе неприемлемые для властей риски, как с точки зрения возможности использования полученных сведений странами-соперниками в регионе, так и в плане возрастания уязвимости авторитарных правительств перед собственным населением.

Другая причина, определяющая дефицит кооперации в рамках ИВБ, заключается в самой природе правоохранительной деятельности, которая не предполагает сотрудничества между профильными ведомствами различных государств, поскольку последние занимаются, прежде всего, вопросами, носящими внутренний или «бытовой» характер (нарушение ПДД, охрана крупных спортивных мероприятий и т.д.) [с. 4].

Третьей причиной низкого уровня межгосударственной кооперации в рамках ИВБ является тот факт, что осуществление такого рода сотрудничества может быть связано с посягательством на гражданские права или даже их нарушением. На предупреждение соответствующих «сбоев» работает целая нормативно-правовая система, в частности, запрет на использование доказательств, полученных с нарушением процессуальной нормы.

Если три вышеозначенных положения могут относиться не только к странам MENA, то *четвертая причина* недостатка межгосударственной кооперации в рамках ИВБ носит специфический региональный характер и связана с событиями арабской весны. Автор отмечает, что до начала 2011 г. на уровне региона активно развивалось сотрудничество на двусторонней основе, в частности в области противостояния угрозам «свержения конституционного строя». Авторитарные, в большинстве своем, национальные режимы были заинтересованы в самосохранении, «защите и даже выживании» [с. 5]. После арабской весны объемы такого сотрудничества значительно сократились: *во-первых*, из-за исчезновения области разделяемых интересов (под которыми автор понимает, в первую очередь, сохранение режима); *во-вторых*, из-за того, что в отдельных случаях («ливийский кейс»), «просто не стало режима, с которым можно было бы сотрудничать» [с. 6]. Раскрывая тезис об «исчезновении области разделяемых интересов», К. Хэнлон указывает, что после 2011 г. регион фактически разделился на два политических лагеря – сообщество авторитарных государств и группу «режимов-соискателей демократии» (*democratic-aspirant regimes*). Соответственно, сосуществование

этих двух противоположностей привело к нарастанию недоверия, страха. Тем не менее, автор не считает совершенно утопическим сценарий возобновления и последующего укрепления межгосударственного сотрудничества в регионе MENA.

Вторую часть работы – «Определение стратегической цели регионального сотрудничества» – открывают три вопроса:

1. Действительно ли в интересах международного сообщества содействовать наращиванию сотрудничества между силами безопасности и соответствующими институтами государств региона?
2. Являются так называемые страны-столпы (pillar countries) – Египет, Иран, Турция, Саудовская Аравия – наилучшими из потенциальных инициаторов региональной кооперации?
3. Каким образом региональное сотрудничество может способствовать ликвидации имманентно присущих ИВП дисфункций?

В процессе поиска ответа на поставленные вопросы К. Хэнлон анализирует преимущества и недостатки двух сложившихся к настоящему времени подходов к региональной интеграции в рамках ИВБ.

Первый подход предполагает игнорирование политических вопросов и фокусировку внимания на технической, информационной и функциональной кооперации. В качестве базовых направлений сотрудничества выделяются: научно-технический обмен, повышение профессионализма региональных сил безопасности, координация действий по реализации контртеррористических операций. Подобное сотрудничество (хотя и с серьезными ограничениями) уже осуществляется в некоторых государствах Северной Африки и зоны Сахеля и включает в себя совместные учения, тренинги и т.д. Практическим воплощением этого подхода К. Хэнлон считает работу глобального контртеррористического форума, деятельность таких национальных институтов, как Международный центр передового опыта по борьбе с насильственным экстремизмом «Хедаия» в Абу-Даби, Международный

институт в защиту правосудия и верховенства права в Валетте. В период до арабской весны, отмечает автор, развивались и другие проекты в области регионального сотрудничества, инициированные такими государствами, как Иордания, Марокко, ОАЭ, Турция. Имело место межгосударственное сотрудничество органов внутренних дел Египта, Ирака, Катара, Сирии и ОАЭ в области безопасности, осуществлявшееся при поддержке Управления ООН по наркотикам и преступности. С 1982 г. в регионе действовал Совет министров внутренних дел арабских стран, созданный с целью развития и укрепления сотрудничества между государствами-участниками в сферах внутренней безопасности и борьбы с преступностью. Поводя промежуточный итог всему вышесказанному, К. Хэнлон еще раз подчеркивает реальность укрепления регионального сотрудничества в рамках ИВБ, а также обозначает, что взаимодействие по техническим вопросам развивается интенсивнее кооперации в политической сфере. Тем не менее, такое взаимодействие создает платформу для широкого и нацеленного на долгосрочную перспективу сотрудничества в будущем.

Однако более многообещающим подходом к реформированию и улучшению системы обеспечения внутренней безопасности в масштабах региона, с точки зрения К. Хэнлон, является укрепление сотрудничества между государствами MENA в соответствии с принципами Реформы сектора безопасности (далее – РСБ). «Подобный подход может создать более защищенную среду, как для граждан, так и для правительств их государств», – утверждает она [с. 10].

РСБ направлена на усиление, реформирование или (ре)конструирование человеческого и институционального потенциала сектора безопасности. Она призвана способствовать развитию эффективных и подотчетных сил и институтов сектора безопасности. Автор подчеркивает, что РСБ реализуется на практике с конца 1990-х гг. и представляет собой пример национально ориентированного подхода (реализуется каждым государством в отдельности).

Фактически, К. Хэнлон предлагает экстраполировать модель РСБ на региональный уровень, отмечая при этом, что ее реализация будет серьезно ограничена. Однако даже в таком выражении РСБ будет способна «создать человеческий капитал, который крайне важен для трансформации измерения региональной внутренней безопасности» [с. 11]. РСБ представляется автору дорожной картой по налаживанию сотрудничества между государствами региона, развитию демократии и снижению уровня бедности.

К. Хэнлон выделяет 6 ключевых принципов РСБ для региона MENA:

1. РСБ реализуется местными органами власти («агентами изменений»), которые должны быть заинтересованы в успехе реформы.
2. Цель РСБ – повышение эффективности, подотчетности, прозрачности надзорных органов сектора безопасности и сил безопасности. Эффективность определяется К. Хэнлон как способность надзорных органов осуществлять контроль, руководство, управление силами безопасности; подотчетность – как ответственность сил безопасности за свои действия перед военным, гражданским руководством и населением; прозрачность – как открытость деятельности институтов сектора безопасности. Повышение эффективности, прозрачности и подотчетности ведет к укреплению демократического правления.
3. РСБ осуществляется в соответствии с принципом верховенства права. Это означает, что действия сил безопасности и соответствующих институтов должны соответствовать государственным стандартам, законам и подзаконным актам. Законы же должны быть «публично обнародованы, иметь равную силу действия, независимо реализовываться судебными органами» [с. 14].
4. Сектор безопасности должен быть помещен под гражданский контроль.
5. РСБ должна привести к укреплению монополии государства на легитимное насилие. «В практическом преломлении это означает, что

все силы, действующие в пределах государственных границ должны быть нормативными – т.е. теми акторами, действия которых санкционированы законом, а руководство и управление ими, их обеспечение и подготовка осуществляются государством» [с. 15].

б. Холизм как принцип РСБ. Осуществление реформы сектора безопасности на региональном уровне требует комплексного подхода.

Автор указывает, что «временные рамки для РСБ определяются десятилетиями, если не поколениями» [с. 16].

В заключительной части – «Дорожная карта перемен» – К. Хэнлон представляет свои рекомендации по реализации проекта региональной РСБ. Всего автор выдвигает восемь положений.

1. Создание региональной сети РСБ с опорой на существующие инициативы в этой области (в частности, проекты Института мира США, Фонда Карнеги, ОБСЕ), которая бы включала официальных лиц сектора безопасности, старших полевых командиров, парламентариев, представителей организаций гражданского общества и региональных экспертов по РСБ. Позитивными результатами формирования подобной сети, по мнению К. Хэнлон, станут: гармонизация взаимодействия между официальными лицами секторов безопасности региональных государств, распространение передового опыта в области РСБ, укрепление потенциала полицейских органов государств региона и др.
2. Распространение передового опыта в области РСБ через региональную сеть посредством организации мастер-классов и проведения иных мероприятий, ориентированных на выработку соответствующих навыков. Как отмечает автор, региональная сеть РСБ может быть со временем институционализована через создание региональной организации.
3. Определение «агентов изменений», т.е. лиц, заинтересованных в реализации реформы («люди или группы людей в ключевых

министерствах или подразделениях безопасности» [с. 19]), и оказание этим «агентам» целевой поддержки.

4. Поддержка инициатив региональной кооперации в технической и оперативной сферах, в том числе, возникших в период, предшествовавший арабской весне. Сотрудничество может развиваться в области борьбы с контрабандой наркотиков, противодействия Аль-Каиде, «Исламскому государству» и др. С точки зрения автора, значительным потенциалом поддержки попыток региональной кооперации обладают США, а также международные организации по типу ООН.
5. Разработка и реализация мероприятий по наращиванию потенциала региональных оперативных сил, которые повышали бы их эффективность и подотчетность. Автор настаивает на необходимости рассмотрения подотчетности в качестве отдельной, самостоятельной задачи в процессе подготовки сил безопасности (а не «побочного продукта» профессионализации последних [с. 21]).
6. Модернизация программ учебных курсов академий сил безопасности, преимущественно за счет организации региональных мастер-классов. Именно эта инициатива, или, как ее определяет К. Хэнлон, «точка входа» (*entry point*) является одной из наиболее многообещающих, в плане реализации РСБ, поскольку способствует формированию нового, ориентированного на межгосударственное сотрудничество поколения офицеров служб безопасности в регионе.
7. Поддержка процесса обмена передовым опытом среди парламентариев в сферах контроля и практик подотчетности во внутреннем секторе безопасности. Это положение представляется особенно актуальным для государств переходного типа, где новоизбранным парламентариям не достает опыта.
8. Под эгидой международных центров передового опыта РСБ (*international centers of excellence for S.S.R.*) совместно с региональными экспертами по

РСБ, разработать проект-руководство РСБ в регионе MENA, сделав акцент на том, как реализовать и организовать мероприятия РСБ в условиях пост-авторитарного транзита.

В заключении К. Хэнлон обозначает, что представленные ею рекомендации не охватывают всего спектра региональных вызовов в сфере внутренней безопасности. В то же время практическая реализация данных положений способна привести к установлению широкого консенсуса в регионе по вопросам улучшения системы безопасности, обеспечения большей защищенности граждан и распространения передового опыта в области внутренней безопасности.

Н.С. Лабуткин

ДЕБАНГАНА ЧАТТЕРДЖИ. ГЕНДЕРНЫЙ ПРОФИЛЬ «ИСЛАМСКОГО ГОСУДАРСТВА» И ОПРЕДЕЛЕНИЕ РОЛИ ЖЕНЩИН¹.

DEBANGANA CHATTERJEE. Gendering ISIS and mapping the role of women // Contemporary rev. of the Middle East. – Vol. 3, N 2. – P. 201–218.

Ключевые слова: гендер; «Исламское государство»; феминизм; жертва; насилие; С. Раддик; агентность.

В настоящей статье Дебангана Чаттерджи (Университет Джавахарлала Неру, Нью-Дели, Индия) рассматривает организационную структуру «Исламского государства» (ИГ) сквозь призму гендерной социологии, пытаясь определить тот спектр ролей, который отводится женщинам в рамках данной террористической группировки. Ключевые вопросы своего исследования автор формулирует следующим образом: «Каковы особенности восприятия женщин в ИГ?» и «Кем являются женщины «Исламского государства»: активными

---

¹ Сокращенная версия данного реферата была опубликована в издании Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11.: РЖ / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. – М., 2017. – № 4. – С. 99–106.

действующими субъектами или жертвами, лишенными права голоса?» [с. 201–203].

В первой части статьи содержится описание ряда феминистских подходов к пониманию специфики женского поведения в условиях вооруженных конфликтов. Подчеркивается, что общим лейтмотивом работ теоретиков, стоящих на позициях культурного феминизма, выступает интерпретация войны, как чего-то сугубо мужского, направленного на подавление антимилитаристского по своей сути женского начала. Данный тезис иллюстрируется цитатой из работы основателя Международного института образования по вопросам мира Бетти Риэрдон¹, отметившей, что «за последние несколько лет исследования того, как женщины познают мир, оценивают ситуацию и принимают решения выявили, что, по крайней мере в западных странах, женский образ мышления будет отличным от мужского... Соответствующие феминные модусы анализа и устранения проблем могут быть освоены и применены и женщинами, и мужчинами; вследствие этого они ... являются значимым фактором воспитания в духе мира» [с. 204]. В представлении сторонников Б. Риэрдон типично женскими качествами, противоположными маскулинным, являются: взаимосоотнесенность, телесность (природность), сопереживание, доверие, отсутствие иерархии в отношениях (горизонтальные связи), стремление к радости, миру и жизни.

Одно из характерных для культурного феминизма описаний фигуры «женщины мира» Д. Чаттерджи приводит, обращаясь к наследию известнейшего американского философа Сары Раддик, автора научного бестселлера «Материнское мышление – к политике мира», полагавшей, что источником специфики «женской этики» является опыт женщины как матери – опыт беременности, рождения и воспитания детей.

---

¹ Reardon B.A. Women and peace. – N.Y.: SAGE Publication, 1993. – P. 141.

С. Раддик рисует фигуру «женщины мира» на войне как проявляющуюся в трех различных, но глубоко взаимосвязанных ипостасях: «мать скорбящая» (*mater dolorosa*), сторонний наблюдатель и миротворец¹.

В первом случае женщины, ущемленные в праве на спокойное материнство, становятся воплощением страданий. Однако, оплакивая сопутствующие любому крупному вооруженному конфликту потери, они продолжают жить дальше, несмотря на ощущение боли и депривацию. При этом, как только женщины выходят на улицу и начинают публично говорить о своих утратах, из символа страданий они превращаются в активных участников политического процесса. Примером такого рода трансформации служит возникшее в начале 1990-х гг. на Шри-Ланке движение «Материнский фронт». Его активистками стали женщины, чьи сыновья, братья, мужа, отцы пропали без вести в ходе гражданской войны. В основу идеологии объединения был положен образ «скорбящей матери».

В качестве стороннего наблюдателя женщина предстает случайным человеком на «мужской» войне. Особую озабоченность при этом вызывает тот факт, что женщины постоянно становятся объектами маскулинных порывов в конфликтных ситуациях.

Роль миротворца интерпретируется как органичная для женщины, обусловленная спецификой ее повседневной жизни. Ключевым элементом общепринятых норм женственности и воспитания в духе мира является неприятие любого насилия. Как указывает С. Раддик: «Отказ демонизировать или расиализировать врага, в сочетании с отказом подчиниться его или ее условиям, является основным достижением миротворчества»² [с. 205].

---

¹ Ruddick S. Women of peace: A feminist construction // The women and war reader / Ed. by Lois Ann Lorentsen. – N.Y.: N.Y. univ. press, 1998. – P. 213–226.

² Ruddick S. Women of peace: A feminist construction // The women and war reader / Ed. by Lois Ann Lorentsen. – N.Y.: N.Y. univ. press, 1998. – P. 220.

Д. Чаттерджи обращает внимание на то, что выкристаллизовавшееся в культурном феминизме представление о конфликте как о чем-то мужском (из которого логичным образом вытекает заключение, что мир в основе своей имеет женскую природу), противоречит основам классической психоаналитической теории и устоявшемуся пониманию, что любой новорожденный есть по сути *tabula rasa* (чистый лист). Это противоречие заставляет автора задаться вопросом: допустимо ли априорно полагать женщин более миролюбивыми, нежели мужчины?

В качестве примера ученого, доказывающего, что не только новорожденный не является *tabula rasa*, но уже эмбрион запрограммирован генетической информацией, которая накапливалась и обрабатывалась в процессе эволюции и призвана предопределить его характер и поведение на всю жизнь, Д. Чаттерджи указывает на канадско-американского эксперта Стивена Пинкера, автора работы «Чистый лист: отрицание человеческой природы в наши дни». Пытаясь прийти к некому разумному синтезу в полемике о «врожденном и приобретенном» с гарвардским психологом развития Элизабет Швелке, С. Пинкер пишет, что разница между мужчинами и женщинами «объясняется некоторой комбинацией биологических различий в типах темперамента и талантах в сочетании с особенностями социализации и общественного давления»¹ [с. 205].

В современной феминистской литературе, подчеркивает Д. Чаттерджи, набирает обороты движение противников эссенциализации гендерной идентичности, и, в частности, представления женщин в условиях вооруженного конфликта исключительно как в роли жертв последнего или образчиков миролюбия. Еще Джин Бетке Эльштайн в книге «Женщина и война» развеяла этот миф, показав и женщин-участниц сражений и мужчин-пацифистов. Двойственность роли женщин на войне вскрыла Сима Шехават в своей работе

---

¹ Pinker S., Spelke E. A conversation with Steven Pinker and Elizabeth Spelke. 2005. – Mode of access: <http://edge.org/event/the-science-of-gender-and-science-pinker-vs-spelke-a-debate> [Accessed: 17.07.2017].

«Женщины-комбатанты в условиях конфликта и мира»: «Они дерутся как мужчины и, следовательно, становятся заступниками и убийцами. В то же время они продолжают быть сиделками, воспитателями и помощниками для других. Таким образом, женщины-комбатанты переживают стихийную эмансипацию параллельно виктимизации в ходе конфликта»¹ [с. 207].

Обрисовав существующий спектр феминистских исследований роли женщин, автор приходит к выводу, что при обращении к данной теме, необходимо учитывать влияние как естественных, так и социальных факторов, помня, что воздействие последних накладывается на уже существующий природный фундамент. На основании этого подхода она выделяет три типа феминной агентности, актуализируемых при попадании женщин в поле действия ИГ: жертвенность, сопротивление и насилие. Конкретные примеры по каждому из трех вышеназванных типов приводятся уже во второй части статьи.

Наиболее ярко в СМИ представлен образ женщины-жертвы ИГ. В статье упоминается материал журнала *The Economist*, где рассказывалось об адресованных боевикам «Исламского государства» советах идеологов движения забирать женщин вместе с награбленным, как добычу. Сексуальное насилие в отношении представительниц езидов и других религиозных меньшинств на территории Ирака, Сирии и Ливии трактуется террористами как инструмент борьбы против «кафиров» (неверных). Грубейшие нарушения прав человека оправдываются пропагандистами ИГ как часть борьбы со «злом», воплощенным в т.н. западных ценностях.

Однако существует и другая категория женщин, стремящихся уйти от стереотипа «беспомощных» и берущих в руки оружие, чтоб воевать против ИГ. Среди обособленных женских отрядов автор выделяет относительно молодое

---

¹ Shekhawat S. Introduction: Women in conflict and peace-making // *Female combatants in conflict and peace: Challenging gender in violence and post-conflict reintegration* / Ed. by Seema Shekhawat. – N.Y.: Palgrave McMillan, 2015. – P. 1.

военизированное образование «Силы женщин Эзидхана», образованное лишь в 2015 г. с целью обороны общины езидов в Ираке, в частности, в Синджаре. Основанием для появления данной группировки, (первоначально в качестве спецоперации по борьбе с террористами ИГ в рамках женского подразделения «Сил самообороны Шангала»), послужил факт многолетнего насилия со стороны исламистов в отношении местных женщин. Езидская фольклорная певица из Шангала Хате Шингали с разрешения властей Иракского Курдистана организовала езидский женский батальон, который находится в подчинении министерства Пешмерга и формируется из членов Демократической партии Курдистана (ДПК). Лозунг участниц батальона: «Они нас насилуют – мы их убиваем». Девушки поклялись уничтожить по меньшей мере десять боевиков в день, чтобы остановить геноцид ИГ [с. 208–209].

И последний, наиболее неоднозначный тип агентности женщины, соприкоснувшейся с ИГ, это роль террористки, преступницы, поддерживающей деятельность этой организации. Эффективность работы вербовочной машины ИГ и ее влияние на женскую аудиторию не поддаются сравнению, констатирует автор. По данным на 2015 г., к организации присоединились от 20 тыс. до 31 500 молодых мусульманок в возрасте 18–25 лет, причем 10 % из них приехали из Европы, Северной Америки и Австралии¹. В качестве причин, подталкивающих женщин столь ужасному выбору, автор называет:

- притяжение революционных, утопических идей, транслируемых ИГ;
- кризис идентичности молодых мусульман, выходцев из иммигрантской среды, столкнувшихся с противоречием между модернистскими ценностями западных обществ и традиционными устоями собственных семей;

---

¹ Данные приводятся по: Zakaria R. (2015). Women and islamic militancy // Dissent. – 2015. – Winter Vol. – P. 118–125.

- эксплуатация «романтики джихада», готовность одиноких и не слишком успешных девушек поверить в чистоту намерений «мужественных боевиков», предлагающих взять их в жены;
- активное использование социальных сетей, распространение информации на многих языках мира [с. 210].

В третьей части статьи приводится описание норм поведения женщины, предлагаемых идеологами ИГ в качестве образцовых. Д. Чаттерджи обращается к подготовленному фондом Киллиама (одним из ведущих аналитических центров по противодействию исламскому экстремизму и радикализации) переводу манифеста «Исламского государства» о роли женщины в «халифате». Этот документ был выпущен 23 января 2015 г. и загружен на джихадистский форум представительницами женской Бригады Аль-Хансы. Манифест утверждает, что главная женская роль – это мать и хранительница домашнего очага. Западные ценности, раскрепощающие и отвлекающие женщин от их божественного предназначения, резко осуждаются. Женщины должны быть защищены, так как вынашивают и воспитывают будущих джихадистов. Брак – это обязательный институт для любой представительницы женского пола, для сохранения невинности рекомендовано выходить замуж в возрасте от девяти до 17 лет. Также подчеркивается важность получения девушками религиозного образования. В документе указываются причины, по которым девушки имеют право покинуть пределы дома, а именно: ради изучения богословия; обучения или лечения других женщин; вступления в борьбу в качестве джихадисток в моменты «отчаяния уммы». Д. Чаттерджи отмечает, что в тексте не содержится прямого указания на допустимость зверств в отношении женщин-представительниц религиозных меньшинств. Описывается лишь идеал набожной мусульманки. Тем не менее, не вызывает сомнений, что в рамках идеологии ИГ женщины воспринимаются в качестве репродуктивных машин или средств поднятия боевого духа боевиков [с. 211–212].

В четвертой части статьи проводится сравнительный анализ положения женщин в ИГ и повстанческом движении Тигры освобождения Тамил-Илама (ТОТИ). Отмечается, что с середины 1980-х гг. в деятельность ТОТИ стало вовлекаться все больше женщин. Изначально они были представлены в таких сферах как: агитация, вербовка, уход за больными, но вскоре расширили диапазон доступных им ролей до непосредственного участия в боевых действиях. В случае с ТОТИ основной причиной превращения женщин в комбатантов стала нехватка бойцов. В условиях длительного вооруженного конфликта «тигры» постоянно теряли большое количество мужчин, что вынудило их жен, матерей и сестер взять оружие в свои руки. Эта история в некотором смысле пересекается с выраженной в манифесте ИГ идеей о возможности прямого вовлечения представительниц «слабого пола» в войну в периоды «отчаяния уммы». Однако, с точки зрения гендерного профиля организационной структуры, ИГ и ТОТИ принципиально отличаются тем, что в движении «тигров» женщинам все же иногда удавалось занять руководящие должности и с их мнением приходилось считаться. При этом обе организации репрезентированы в публичном пространстве как воплощающие идеалы радикальной маскулинности и патриархальности [с. 213–214].

В заключении автор подчеркивает ситуативность ролевой репрезентации женщин, оказавшихся в зоне действия «Исламского государства». Соответственно, изучение поведения женщин в условиях вооруженного конфликта окажется практически полезным лишь в том случае, если будет проводиться с учетом их семейной истории, принадлежности к определенной религиозной или этнической группе, т.е. включит в себя анализ как врожденных, так и обусловленных социальным контекстом свойств.

Е.И. Вулах

ДЮРАН-МАРТИНЕС А. НАРКОТИКИ ЗА УГЛОМ: ВНУТРЕННИЕ РЫНКИ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И НАСИЛИЕ В КОЛУМБИИ И МЕКСИКЕ¹.

DURÀN-MARTÌNEZ A. Drugs around the corner: domestic drug markets and violence in Colombia and Mexico // Latin American politics a. society. – FL., 2015. – Vol. 57, N 1. – P. 122–146.

Ключевые слова: насилие; наркоторговля; незаконный оборот наркотиков; Колумбия; Мексика.

За последнее десятилетие значительно возросло внутреннее потребление наркотиков в Мексике и Колумбии – странах, пользующихся сомнительной славой мировых лидеров в области нелегального производства и транзита наркотических средств. В Мексике с 2002 по 2008 гг. годовой показатель распространенности потребления кокаина среди лиц в возрасте от 12 лет и старше увеличился на 66%, аналогичный показатель по марихуане – на 100%. В свою очередь, в Колумбии за период с 1996 по 2008 гг. годовой показатель распространенности потребления кокаина вырос на 148%; марихуаны – на 83%. Представители властных структур обеих стран сочли расширение внутренних рынков «нелегальных» наркотиков относительно недавним социальным явлением, однозначно связав с ним рост насилия, наблюдаемого в регионе с середины 2000-х гг. Однако в настоящей статье Анхелика Дюран-Мартинес (Массачусетский университет, Лоуэлл, США), обобщая выводы последних исследований социального контекста потребления наркотиков², опровергает это, казалось бы, очевидное предположение [с. 123].

---

¹ Сокращенная версия данного реферата была опубликована в издании Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11.: РЖ / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. – М., 2017. – № 2. – С. 71–76.

² Теоретическая рамка настоящей статьи задана комплексом работ, обосновывающих тезис о том, что само по себе расширение наркорынков с необязательностью оборачивается ростом насилия. См.: Andreas P., Wallman J. Illicit markets and violence: What is the relationship? // Crime, law a. social change – 2009. – Vol. 52, N 3. – P. 225–29; Lessing B. The logic of violence in criminal war:

Интенсивность насилия¹ в латиноамериканском регионе, по мнению автора, определяется тем, контролируют ли крупные организации незаконного оборота наркотиков (large drug-trafficking organizations, DTOs) «пушеров»² и обладают ли данные DTO рыночной монополией на местном уровне.

В первой части статьи содержится детальный анализ эволюции внутренних рынков наркотических средств Мексики и Колумбии. Автор признает наличие (отмечаемой многими официальными лицами обоих государств) трансформации *маркетинговой* стратегии национальных преступных сообществ, связанных с незаконным оборотом наркотиков. Соответствующий тезис А. Дюран-Мартинес поясняет цитатой из заявления президента Фелипе Кальдерона (2006–2012), объявившего войну наркокартелям уже в самом начале первого срока своего пребывания на посту главы исполнительной власти: «Налицо принципиальные изменения в модусе операнди криминальных групп, которые более не фокусируются на продаже наркотиков за границу, но нацелены на распространение последних в самой Мексике, среди мексиканской молодежи. ... Из *чистого* поставщика наша страна превратилась в государство наркотического ритейла (*narcomenudeo*)» [с. 124]. Однако, не оспаривая сам факт «превращения», автор находит весьма поверхностными выводы о том, что рост насилия на улицах городов Колумбии и Мексики детерминирован относительно недавней переориентацией крупных наркодилеров на внутренний рынок, повлекшей столкновения DTO в борьбе за территории влияния [с. 124].

Cartel-state conflict in Mexico, Colombia, and Brazil. – 2012. – Ph.D. diss., Univ. of California, Berkeley; Osorio J. Hobbes on drugs: Understanding drug violence in Mexico. – 2013. – Ph.D. diss., Univ. of Notre Dame; Rios, Viridiana. – *Прим. реф.*

¹ Говоря о насилии, автор имеет в виду возрастание числа локальных конфликтов со смертельным исходом, связанных с розничной торговлей наркотиками, и возникающих в ходе борьбы «коммерсантов» за точки сбыта. – *Прим. реф.*

² «Пушер» – мелкий уличный торговец наркотиками. – *Прим. реф.*

Анализируя динамику наркотизации мексиканского и колумбийского обществ с помощью методологии, предложенной в работе Адрианы Камачо, Алехандро Гавириа и Кэтрин Родригес¹, автор устанавливает, что вопреки заявлениям представителей властных структур уровень наркопотребления в обеих странах начал расти уже в 1990-е гг., а не в «двухтысячные». Таким образом расширение внутреннего рынка наркотических средств нельзя рассматривать в качестве типичного феномена «нулевых», несмотря на то, что именно это видение транслируется большинством исследований незаконного оборота наркотиков в Латинской Америке [с. 125].

Большая часть экспертного сообщества региона объясняет увеличение потребления наркотиков местным населением воздействием трех ключевых факторов. А именно: 1) ростом числа и диверсификацией каналов нелегального транзита наркотических средств; 2) депенализацией хранения легких наркотиков для личного потребления (Колумбия – 1994 г.; Мексика – 2005 г.); 3) ужесточением государственной политики в отношении ДТО международного уровня, вынуждающим последние расширять свое «портфолио» и в поисках альтернативных источников дохода выходить на внутренние рынки наркопотребления [с. 126]. Однако автор настоящей статьи, обращая на внимание на хронологические несоответствия в якобы выявленной причинно-следственной связи, опровергает утверждение о наличии прямой обусловленности расширения внутренних рынков наркопотребления и интенсификации насилия тремя вышеозначенными факторами. И в Колумбии, и в Мексике проблема наркомании, как серьезной угрозы здоровью населения обеих стран, возникла значительно раньше, чем лидеры «двухтысячных» сделали ее центральной темой своих публичных выступлений [с. 127].

Во второй части статьи оценивается влияние специфики поставляемых наркотических средств и психотропных веществ (НСПВ) и характера

---

¹ Camacho A., Alejandro G., Rodriguez C. El consumo de droga en Colombia / Políticas antidroga en Colombia: éxitos, fracasos y extravíos / Eds. D. Mejia, A. Gaviria. – Bogota: Universidad de los Andes, 2011. – P. 41–67.

взаимодействия между ритейлерами и крупными международными распространителями наркотиков на динамику насилия в сфере низовой розничной наркоторговли. Большинство североамериканских экспертов в области криминологии сходятся во мнении, что различия в психофармакологических эффектах и соответствующих субкультурах употребления определенных видов наркотиков объясняют вариации в проявлениях насилия. Так, например считается, что потребители героина, как вещества угнетающего центральную нервную систему и приводящего к замыканию человека на себе, менее склонны к открытому проявлению агрессии, чем «сидящие» на провоцирующем гиперактивность крэке-кокаине. Снижение доли крэка в структуре наркопотребления рассматривалось в качестве одной из определяющих причин неожиданного падения преступности в США в 1990-е гг.¹ [с. 128]. Признавая определенную правомерность такого рода умозаключений, автор, тем не менее, обращает внимание на эмпирически подтвержденное отсутствие однозначного соответствия между типом преобладающего на рынке НСПВ и характерным для этого рынка уровнем насилия.

В качестве аналитического инструмента полезного для раскрытия заявленной темы в статье упоминается трехсторонняя концептуальная модель, предложенная Полом Гольдштейном в середине 1980-х гг.². Он выделяет три типа насилия, связанного с наркотиками: 1) обусловленное воздействием психофармакологических средств; 2) экономическое и 3) системное. В основе психофармакологического компонента модели лежит гипотеза о том, что под воздействием определенных химических веществ у людей, ранее далеких от насилия, проявляются агрессивность и склонность к совершению преступных действий. Под экономическим насилием понимаются противоправные действия

---

¹ The crime drop in America / Ed. by A. Blumstein, J. Wallman. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2000.

² Goldstein P. The drugs violence nexus: A tripartite conceptual framework // J. of drug issues – 1985. – Vol. 15, N 4. – P. 493–506.

наркомана (например, грабеж), направленные на поддержание своей довольно дорого обходящейся зависимости. Третий компонент модели отражает представление о том, что насилие заложено в самой природе наркобизнеса. Примерами системных преступлений служат территориальные разборки между конкурирующими преступными сообществами, а также угрозы, нападения и убийства, совершаемые в вовлеченных в незаконный оборот наркотиков группировках. Автор настоящей статьи соглашается с П. Гольдштейном в том, направленность трендов наркопотребления в большей степени нежели абсолютное число наркоманов «здесь и сейчас» детерминирует уровень насилия в области розничной торговли наркотиками. Тем самым она еще раз подчеркивает, что наблюдаемый на сегодняшний день всплеск насилия в Мексике и Колумбии должен рассматриваться в более широком, выходящем за границы XXI века контексте [с. 129–130].

А. Дюран-Мартинес утверждает, что присутствие на локальном рынке нелегального сбыта наркотических средств нескольких крупных дилеров является своеобразной гарантией большей частоты и интенсивности применения насилия по сравнению с ситуацией, когда все торговые точки контролируются одной организацией. Также отмечается наличие прямо пропорциональной зависимости между уровнем насилия и степенью доходности каждого конкретного наркотика. Например, торговля марихуаной представляется автору более «мирным» бизнесом, чем продажа кокаина, прибыль от сделок с которым значительно выше, а потому больше число заинтересованных группировок и жестче конкуренция между ними. В условиях сосуществования локальных ритейлеров и международных организаций незаконного оборота наркотиков уровень насилия определяется тем, контролируют ли DTO мелких розничных торговцев и обладают ли они монополией на внутренних рынках. Выявленная взаимозависимость схематично изображается в таблице «Связи между розничными продавцами и DTO» [с. 131–132].

		<i>Установлена ли монополия одной определенной DTO на локальном рынке нелегального оборота наркотиков?</i>	
		<i>Нет</i>	<i>Да</i>
<i>Контролируют ли DTO дилеров?</i>	<i>Да</i>	Высокий уровень насилия	Низкий уровень насилия
	<i>Нет</i>	Высокий уровень насилия между DTO и низкий в среде дилеров.	Спорадические вспышки насилия в среде дилеров.

В третьей части статьи автор подтверждает правомерность своих теоретических выкладок в ходе детального анализа четырех исторических «кейсов». Описывается процесс формирования внутренних рынков наркотиков в городах, признанных крупнейшими международными экспортерами наиболее распространенны НСПВ: Медельин (Колумбия), Сьюдад-Хуарес, Тихуана и Кульякан (Мексика) [с. 133–140].

Таким образом, основной вывод исследования сводится к следующему: если локальный наркорынок представлен множеством *независимых* мелких розничных торговцев, насилие носит спонтанный и ограниченный характер; когда же DTO держат дилеров под контролем, масштабы применения насилия могут как увеличиваться (пропорционально эскалации конкуренции между противоборствующими группировками), так и снижаться (в случае достижения одной из преступных организаций монопольного положения). В ситуации сращивания госаппарата с криминалитетом и получения какой-либо определенной DTO преимущества монополистического контроля над внутринациональной сбытовой сетью, насилие как инструмент решения проблем на рынке наркотического ритейла применяется реже [с. 141]. В заключении А. Дюран-Мартинес подчеркивает необходимость выработки

комплексного подхода к решению проблемы наркотизации общества, предполагающего в числе прочего понимание специфики взаимодействия основных игроков теневого рынка НСПВ и учет факторов риска, способствующих возрастанию насилия.

Л.К. Давян

ВАН ГУНТЕН С. СПЛОЧЕННОСТЬ, КОНСЕНСУС И КОНФЛИКТ: ТЕХНОКРАТИЧЕСКИЕ ЭЛИТЫ И ФИНАНСОВЫЙ КРИЗИС В МЕКСИКЕ И АРГЕНТИНЕ¹.

VAN GUNTENT. S. Cohesion, consensus, and conflict: Technocratic elites and financial crisis in Mexico and Argentina // Int. j. of comparative sociology. – 2016. – Vol. 56, N 5. – P. 1–25.

Ключевые слова: сплоченность; конфликт; финансовый кризис; политические реформы; государственные структуры; Мексика; Аргентина.

Исследователи, которые специализируются на изучении процессов планирования и разработки экономической политики в развивающихся странах, склонны утверждать, что *консенсус* и *сплоченность* внутри технократических политических элит заметно облегчают реализацию реформ, однако, какого-либо четкого определения этих двух терминов (как, впрочем, и описания существующей между ними взаимосвязи) они зачастую не предлагают. Аналогично, большинство специалистов в области политической социологии не уделяют должного внимания рассмотрению релевантных структурных особенностей, формируемых элитами социальных сетей. В рамках настоящей статьи Тод ван Гутен (Институт изучения обществ им. Макса Планка, Кёльн, Германия) пытается заполнить обозначенные выше смысловые лакуны, прояснив различие между консенсусом, как выражением политической воли властных группировок, и структурно обусловленной сплоченностью, и продемонстрировав, как именно изменения в уровне сплоченности элит могут сказаться на выработке стратегии государственного развития. Для проверки гипотезы о том, что фрагментированность элитарных сетей препятствует адекватному и своевременному реагированию государства на внешние и внутренние вызовы и угрозы, автор проводит сравнительный анализ двух

---

¹ Сокращенная версия данного реферата была опубликована в издании Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11.: РЖ / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. – М., 2017. – № 4. – С. 112–117.

«кейсов», сопоставляя модели поведения властных кругов Мексики и Аргентины в условиях финансового кризиса (1994 и 2001 гг., соответственно) [с. 1–2].

Описывая особенности финансового кризиса в Мексике, Т. ван Гутен опирается на работу лауреата премии Американской социологической ассоциации по специальности «Экономическая социология» 2004 г. Сары Бэбб¹. В качестве основных причин «мексиканского кризиса» он перечисляет следующие факторы. Во-первых, в канун президентских выборов 1994 г. заметно осложнилась политическая обстановка в стране. Реакция мексиканской биржи на соответствующие изменения принесла ей последнее место в списке 24 крупнейших бирж мира. Падение акций предприятий вызвало перекачивание средств на рынок ценных бумаг с фиксированными доходами и отток капиталов из страны. Во-вторых, ввиду сокращения притока инвестиций правительство предприняло ряд экстренных мер, в числе которых было повышение процентных ставок по государственным облигациям и перевод большей части внутренних краткосрочных долговых обязательств на краткосрочные государственные облигации, индексированные к доллару. Однако индексация задолженности обернулась ростом государственного долга. В-третьих, было принято решение отказаться от привязки национальной валюты к доллару, что незамедлительно привело к девальвации и обесцениванию гособлигаций, успевших стать важным инструментом экономики Мексики. Таким образом финансовый кризис в Мексике выявил целый ряд системных недостатков ее экономики, в частности, зависимость от США и отсутствие механизмов регулирования внешних финансовых потоков.

В целом, отмечает автор, между финансовыми кризисами Мексики (1994) и Аргентины (2001) имеется некоторое структурное сходство: негативное влияние привязки национальной валюты к доллару США

---

¹ Babb S. *Managing Mexico: Economists from nationalism to neoliberalism.* – Princeton, NJ: Princeton univ. press, 2001.

проявилось и в «аргентинском кейсе». Помимо этого значимую отрицательную роль сыграли неудачно проведенная приватизация государственного имущества и освобождение иностранных предпринимателей от налогов на срок до 25 лет. Также следует отметить, что незадолго до начала дефолта в конце 2001 г. Международный валютный фонд (МВФ) отказал Буэнос-Айресу в помощи по выдаче кредитов на погашение прежних государственных долгов. Резюмируя, Т. ван Гутен утверждает, что «аргентинский кризис» был обусловлен совокупным действием таких факторов, как: проведение ошибочной бюджетной политики; отсутствие гибкости цен и зарплат, не сочетавшихся с фиксированным обменным курсом национальной валюты; серьезные внешние шоковые воздействия и политическая нестабильность.

Однако несмотря на ряд общих черт, между двумя рассматриваемыми кризисами имелось, минимум, одно принципиальное различие: меньший уровень сплоченности технократических элит в Аргентине. Соответственно, «аргентинский кризис» оказался значительно более драматичным. Цитируя американского политолога Эдуардо Даржана, автор подчеркивает, что: «мексиканская бюрократическая элита была в состоянии поддерживать консенсус, вести диалог по различным вопросам в сфере экономики, в то время как политика Аргентины пострадала от внутренних конфликтов, нашедших отражение в многочисленных отставках в министерствах и Центральном банке страны»¹. Соглашаясь с американским экспертом Гленом Биглейзером, Т. ван Гутен указывает, что: «политические институты, которые доминировали в Мексике на протяжении большей части двадцатого века, способствовали формированию сплоченной элиты»² [с. 3–10].

Структура элитарных сетей, с точки зрения автора настоящей статьи, во многом определяет те формы противодействия кризисным ситуациям, что

---

¹ Dargent E. *Technocracy and democracy in Latin America: The experts running government.* – Cambridge: Cambridge univ. press, 2014.

² Biglaiser G. *Guardians of the Nation? Economists, generals and economic reform in Latin America.* Notre Dame: Univ. of Notre Dame press, 2002.

выбирают власть предрержащие. Сплоченность мексиканской элиты позволила сосредоточить все механизмы социального контроля в руках интегрированной группы технократов, сохранить достигнутый консенсус и единство политической линии вопреки всем неудачам и активной критике извне. Напротив, политика, осуществлявшаяся аргентинской элитой, носила крайне непоследовательный характер, вследствие структурной разобщенности властных кругов.

Используя методологию кросс-национального сравнительного анализа, автор выявляет механизмы, определяющие связь между типом сетевой структуры и характером формирования консенсуса. В той степени, в какой группы технократов, определяющих политический курс, демонстрируют сплоченность, два основных механизма обеспечивают элитам условия сотрудничества: уважение и диалог. Уважение интерпретируется автором как готовность индивидов «подчинить свои желания коллективным ожиданиям в расчете на ... обретение долгосрочных рыночных преимуществ [что возникают] на основании принадлежности к группе» [с. 4]. Эти долгосрочные преимущества имеют как материальное (например, возможность карьерного роста), так символическое выражения (в частности, идентификация, связанная с членством в группе). Диалог рассматривается в статье как устойчивая, мультинаправленная коммуникация, ведущая к коллективному (чаще, чем индивидуалистическому) формированию предпочтений. И уважение, и диалог облегчают сотрудничество в процессе принятия политических решений, помогая элитам приходиться к консенсусу.

В отсутствие внутреннего консенсуса элит, политический процесс приобретает оппортунистический характер. Отдельные лидеры или фракции стремятся навязать собственную точку зрения, представляя поле политического взаимодействия в терминах «игры с нулевой суммой». Подобная тотальная сфокусированность на победе в межпартийной борьбе препятствует выработке согласованной стратегии выхода из кризиса [с. 10–17].

В заключительной части статьи автор приводит альтернативные объяснения выявленных им закономерностей.

Во-первых, отмечает он, структура элитарной сети может рассматриваться не в качестве независимой переменной, определяющей политический консенсус, а как отражение лежащих в ее основе политических институтов, таких как политический режим и партийная система. Ангажированные политические акторы склонны назначать «лоялистов», а не независимых технократов. Следовательно, различия в уровне внутренней конфликтности элиты могут объясняться колебаниями интенсивности межпартийной конкуренции. До 2000 г.в Мексике сохранялся относительно стабильный, полуавторитарный режим, с доминирующей Институционно-революционной партией. Аргентина, в свою очередь, несмотря на продолжительный период военной диктатуры, в 1983 г. перешла к системе конкурентной (а на практике – хаотичной) демократии, характеризующейся постоянным чередованием стоящих у руля власти политических партий. Эти институциональные особенности, несомненно, сказались на характере структуры элитарных сетей. Однако автор не видит прямой связи между трансформацией политических институтов и консенсусом внутри элиты. В частности, подчеркивает он, уровень сплоченности элиты и степень консенсуса в Мексике менялись, в то время как политические институты оставались неизменными [с. 17–18].

Второе возможное объяснение акцентирует фактор общности экономического видения и профессиональной подготовки политических элит в формировании консенсуса. Многие аналитики утверждают, что растущее влияние менеджеров-технократов, в особенности выпускников элитарных экономических факультетов США, способствует формированию прорыночного политического консенсуса в развивающихся странах (С. Бэбб; Дж. Чвьерох¹).

---

¹ Babb S. *Managing Mexico: Economists from nationalism to neoliberalism.* – Princeton, NJ: Princeton univ. press, 2001; Chwieroth J.M. (2007) *Neoliberal*

Таким образом, более высокий уровень консенсуса в Мексике может объясняться общим профессиональным бэкграундом политической элиты, и, в частности, доминированием в ней экономистов, получивших образование в США. Тем не менее, ссылаясь на эмпирические данные, автор утверждает, что хотя специфика полученного образования сказывается на политических предпочтениях, общность профессиональной подготовки не является тем фактором, что лежит в основе консенсуса элит [с. 18–19]. Аналогично, ставится под сомнение объяснительная модель, редуцирующая политические предпочтения различных технократических элит до интересов определенных секторов бизнеса [с. 20–21].

Поводя итог всему вышесказанному, автор еще раз подчеркивает, что именно структурная сплоченность элитарных сетей лежит в основе политического консенсуса, и пренебрежение анализом структуры социальных отношений снижает прогностический потенциал исследований по соответствующей проблематике.

Л.Р. Гудова

БАЙРАУ Д. ЕЩЕ РАЗ ОБ ОЖЕСТОЧЕНИИ: СЛУЧАЙ РОССИИ¹.

BEYRAU D. Brutalization revisited: The case of Russia // J. of contemporary history. – L., 2015. – Vol. 50, N 1. – P. 15–37.

Ключевые слова: жестокость; насилие; Гражданская война; Первая мировая война; революция; Россия.

---

economists and capital account liberalization in emerging markets // Int. organization. –2007. – N 61. – P. 443–463.

¹ Сокращенная версия данного реферата была опубликована в издании Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11.: РЖ / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. – М., 2017. – № 4. – С. 107–111.

Накануне приближающегося 100-летнего юбилея Русской революции академическое сообщество закономерно обращается к переосмыслению механизма и последствий прихода большевиков к власти, критически оценивая тот период российской истории, который на протяжении долгого времени трактовался советскими обществоведами подчеркнуто позитивно. В настоящей работе Дитрих Байрау (Тюбингенский университет, Германия) рассматривает ключевые события переломного для России 1917 г. сквозь призму социологии насилия. Условно, представленная статья может быть разбита на три смысловых блока:

- оценка роли Первой мировой войны в государственной жизни России 1917 г.;
- анализ сложной диалектики конфликта–сотрудничества во взаимоотношениях большевистской власти и военных специалистов царской армии;
- исследование ответного насилия белого и красного движений, включающее в себя описание использовавшихся обеими сторонами мер «приведения к покорности» занятых территорий.

По мнению автора, Первая мировая война интересует российских историков преимущественно в качестве события-триггера Февральской и Октябрьской революций и Гражданской войны. Таким образом, в исторической модели общего национального прошлого Первая мировая война не заняла места, которое бы соответствовало ее реальному масштабу. В массовом сознании сначала советского, а затем российского общества она превратилась в войну «забытую».

Отмечая, что сложившаяся в Российской империи культура насилия претерпела ряд трансформаций в постреволюционный период, Д. Байрау настаивает на том, что Первая мировая не была основной детерминантой «ожесточения» советского режима. Насилие не появилось на линии фронта, оно существовало уже в культуре царизма до 1914 г.

«Сползание» общества к насилию иллюстрируется следующими статистическими данными: к 1917 г. население страны составляло 167 млн человек, из которых 18 млн были рекрутированы (15 млн – в армию, а 3 млн – на другие виды работ). Около миллиона солдат скончались от ран и болезней, 600 тыс. погибли на поле боя, более шести миллионов попали в плен и миллион стали инвалидами [с. 17]. Это, в свою очередь, привело к вынужденной замене мужчин на женщин и детей во всех секторах экономики той части Империи, где преобладали этнические русские.

Первая мировая война закончилась поражением России не по причине нехватки ресурсов, а вследствие слабости организационной структуры режима. Первая мировая, Октябрьская революция и Гражданская война прочертили своеобразную линию водораздела русской истории: политическая преемственность была нарушена.

Распад государственных институтов только способствовал усилению беззакония, прежде всего в районе фронтов Первой мировой войны. На этих территориях начала происходить борьба между красными и белыми, зелеными и казаками, и другими группами, методы борьбы были преступны и жестоки. В период с 1918 по 1923 гг. население бывшей Империи сократилось на 10 млн. Такие масштабные потери были обусловлены Гражданской войной и голодом, унесшим жизни 2,5–3 млн человек в России и 1–1,5 млн на Украине [с. 18–19]. Более 5 млн были призваны в Красную Армию, из которых более 700 тыс. погибли. Около полумиллиона евреев стали жертвами погромов, 1,3 млн пострадали от репрессий большевиков и от 20 до 100 тыс. – в результате белого террора. Одним из многочисленных подтверждений тезису о происходившей в рассматриваемый исторический период «ожесточения» общества служит «Постановление СНК о создании ВЧК» от 7 (20) декабря 1917 г., в котором была четко прописана задача: «преследовать и ликвидировать все контрреволюционные и саботажные попытки и действия по всей России, со стороны кого бы они не исходили».

Разрушение старой системы способствовало превращению некогда дисциплинированной армии в элемент дестабилизации общества. С 1916 г. количество дезертиров составило более 370 тыс. из 7 млн солдат [с. 22]. С осени 1917 г. активно возникают гарнизоны дезертиров, в дальнейшем они были повинны в возрастании преступности в городах и на селе. Причем это происходило параллельно крушению сословного строя и становлению политики военного коммунизма. Вновь образованные комитеты гарнизонов требовали скорейшего перераспределения земли и ресурсов в свою пользу, они направляли собственных представителей в села для осуществления экспроприации дворянского, церковного и бывшего государственного имущества. Автор обращает особое внимание на тот факт, что большевики первыми из всех противоборствующих сторон осознали преимущества оказания поддержки этим маргинальным элементам. По его мнению, использование потенциала протеста деклассированных элементов в своих целях легло в основу развития большевистской диктатуры. Гибкость политики в сочетании с институционализированным насилием обеспечили большевикам победу во внутривнутриполитической борьбе. В контексте исследования специфики большевистской борьбы за власть автор останавливается на политике пропаганды, эффективном использовании приемов умолчания, устрашения и ресурсов СМИ в целом. В течение Гражданской войны, констатирует Д. Байрау, большевистская партия трансформировалась из авангарда революции в партию будущего, способную при этом рассчитывать на поддержку самого массового социального слоя прошлого – крестьянства.

Как часть «политики строительства коммунизма некоммунистическими руками» автор рассматривает использование офицеров царской армии большевистским режимом. Дефицит квалифицированных кадров офицерского состава представлял серьезную проблему для новых властей. В большинстве своем довоенные специалисты примкнули к белому движению, где доля выходцев из руководящего состава армии Императорской России составила

34%. Опираясь на труд М.Д. Бонч-Бруевича «Вся власть Советам»¹, Д. Байрау показывает, как проводимая большевиками политика легитимации военных, согласившихся перейти на «красную» сторону, позволила устранить дисбаланс в кадрах высшего командного состава двух противоборствующих движений. Так, в частности, к 1919 г. Реввоенсовет практически полностью состоял из офицеров царской армии [с. 26].

Тем не менее, в рядах простых солдат присутствовало недоверие к «старому» офицерскому составу, представители которого, в свою очередь, не понимали и зачастую не принимали управляющую роль политруков в отрядах. Д. Байрау довольно подробно рассмотрел институт военных комиссаров, с введением которого в марте–апреле 1918 г. в систему организации РККА был внедрен принцип двуначалия. Для «ярких слуг» нового порядка в начале 1919 г. были введены более 700 новых должностей в Политическом управлении Реввоенсовета Республики. Их доклады были пропитаны ненавистью по отношению к «классовым врагам», с которыми предполагалось бороться не только политическими, но и военными методами. В 1920 г. на I Всероссийском Съезде политработников комиссары обозначили себя «примером воплощения справедливой борьбы, живыми носителями революционной идеи». Но они воплощали собой не только идею революции, но и ее насилие. По мнению автора, заявления о положительной роли комиссаров лицемерно, поскольку они походили на «подозрительных товарищей, машущих револьвером для установления своей власти». В соответствии с июньскими указами 1918 г. комиссары были объявлены неприкосновенными лицами. Л.Д. Троцкий наделил их правом расстреливать бывших офицеров на основании подозрения в участии в контрреволюционной деятельности. Со временем наметилась тенденция замены старых офицеров на новые, идеологически надежные кадры. Недостаток качества рассчитывали компенсировать количеством: к примеру, с

---

¹ Бонч-Бруевич М.Д. Вся власть Советам! – М.: Воениздат, 1957.

1919 по 1921 гг. численность РККА возросла с 800 тыс. до более чем 5 млн [с. 28]. Но мобильными были не более 20% этой армии.

Растущее насилие на подконтрольных большевикам территориях в отношении социальных групп, угрожающих власти потерей государственного контроля, стало неотъемлемой частью опыта массовой мобилизации и национального строительства. Как сказал писатель В.Г. Короленко наркому просвещения А.В. Луначарскому: «Когда Красная армия приходит, грабежи и бандитизм пресекаются, но когда большевистский режим активизируется с его ЧК, арестами и незаконными казнями, это положительное впечатление быстро превращается в ненависть, и население надеется на очередную смену режима». При этом население тоже активно участвовало в насилии, что ярче всего проявилось в процессах перераспределения собственности. Цитируя французского историка М. Ферро, автор пишет: «Террор не был продуктом большевистских лидеров. Он вышел из недр общества, просто только большевики смогли применить его в рамках государственного контроля» [с. 30].

Преступники и жертвы, пишет Д. Байрау, были как в красном, так и в белом движениях. Предприниматели, банкиры, владельцы крупной недвижимости, а также высшее духовенство испытывали притеснения со стороны большевиков; рабочие, коммунисты (как функционеры, так и рядовые члены партии) страдали от действий белогвардейцев. Специалисты высокой квалификации находились в привилегированном положении: в них нуждались оба противоборствующих лагеря, что обеспечивало им некоторую степень защиты от террора.

Осенью 1917 г. участились случаи бессмысленного применения насилия. Особенная жестокость была проявлена отступавшей армией Колчака в 1920 г.: в одной только Свердловской области было убито около 25 тыс. человек [с. 33]. Описывая стихийное партизанское движение того времени, автор утверждает, что по своей идеологии оно было в большей степени «антибелым», чем

«прокрасным». Большевики в полной мере оценили пропагандистский потенциал институционализированной жестокости, сделав казни, аресты и реквизиции публичными. Печально известны осуществленные большевиками расправа над астраханскими забастовщиками в марте 1919 г., депортация и массовые убийства казаков на Дону и Кубани (1919 и 1920 гг.), массовые расстрелы и депортации офицеров и гражданских лиц в Крыму после отступления армии Врангеля (в конце 1920 г.). По заверению Председателя ВЧК Восточной армии И.Р. Лациса красный террор ставил своей целью истребить буржуазию как класс. Следует отметить, подчеркивает Д. Байрау, что белые были столь же жестоки по отношению к своим идеологическим противникам.

Помимо красного и белого движений значимую роль в умножении насилия играли крупные националистические группы, в частности, на Украине, где устраивались антиеврейские погромы без каких бы то ни было четко обозначенных политических и экономических целей [с. 36].

В заключение автор констатирует, что падение императорской власти стало следствием неконтролируемого насилия, приведшего к Гражданской войне. В конкурентной борьбе за власть большевики смогли одержать победу над другими политическими акторами, осуществив институционализацию насилия в рамках установления «диктатуры пролетариата». Таким образом, превратив насилие в неотъемлемую часть своей политики преобразования общества, большевики придали ему структурный характер.

М.И. Ходыкин

ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

ТРАМБАЛЛИ У. ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ИТАЛИИ: И ВСЁ-ТАКИ ОНА ВЕРТИТСЯ!¹

TRAMBALLI U. *Politica estera italiana: Eppure si muove* // Rapporto ISPI. 2016. – P. 131–145.

Ключевые слова: внешняя политика; Италия; Маттео Ренци; Федерика Могерини; Паоло Джентилони; международные отношения.

В настоящей работе Уго Трамбалли (журналист одного из главных экономических изданий Италии – *Il Sole*, преподаватель Римского института международных отношений) обозначает отдельные недостатки, присущие современной итальянской внешней политике, обуславливающие ее медленную, но все же – эволюцию. Опираясь на оценки авторитетных международных экспертных групп, автор раскрывает специфику политической стратегии Маттео Ренци (председателя Совета министров Италии 2014–2016 гг.), как государственного деятеля, игравшего ключевую роль в продвижении национальных интересов Италии на международной арене.

В конце 2015 г. в своем обращении к Демократической партии (ДП) Маттео Ренци заявил, что события последних лет наглядно продемонстрировали теснейшую взаимозависимость макро- и микроуровней международных отношений. Он также подчеркнул особое значение 2015 г. для внешней политики Италии, сославшись на такие обстоятельства как, «взрыв» в Европе (события на Украине) и попытку стран ЕС найти общую экономическую формулу в контексте миграционного кризиса.

---

¹ Сокращенная версия данного реферата была опубликована в издании Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11.: РЖ / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. – М., 2017. – № 4. – С. 133–139.

Серия парижских терактов 2015 г. в очередной раз напомнила европейским политикам о транснациональном характере современного терроризма, зона действия которого не ограничивается Сирией, Ираком, Синайским полуостровом и даже Ливией. Под знамена ИГ – наиболее мощной и активной экстремистской группировки Ближнего Востока – с готовностью встают столкнувшиеся с отчуждением и безработицей выходцы из иммигрантской среды европейских пригородов. Проявившиеся в современном ЕС кризисные тенденции в области интеграции инокультурных мигрантов вынуждают задуматься о правильности избранного европейскими государствами, в том числе Италией, вектора внешней политики [с. 131].

По мнению автора статьи, в наши дни внешняя политика Италии требует исключительной мобилизации коллективных сил: залогом успешного развития должно стать сочетание динамичного, исполнительного и подготовленного политического класса, осведомлённой общественности, эффективных СМИ и «дееспособных» вооруженных сил. Однако, в первую очередь, необходимо рациональное определение политических интересов страны в прилегающих регионах и в целом в мире.

Автор обращает внимание читателя на то, что в течение 2014 г. в Италии сменилось три министра иностранных дел: год начался с Эммы Бонино, продолжился с Федерикой Могерини и закончился на Паоло Джентилони. Столь частая ротация глав внешнеполитического ведомства не способствовала укреплению позиций Рима на международной арене. Тем не менее, последующее назначение Федерики Могерини Верховным представителем ЕС по иностранным делам и политике безопасности придало стране новый политический вес на международной арене.

Критикуя непоследовательность внешней политики итальянского руководства, У. Трамбалли иллюстрирует этот тезис на примере двух дипломатических эпизодов.

Во-первых, неоднородность политического пространства Италии проявилась в дискуссии о признании Палестины. 27 февраля 2015 г. палата депутатов национального парламента приняла резолюцию, содержащую призыв к правительству страны содействовать признанию Палестинского государства. За документ, вынесенный на рассмотрение представителями правящей Демократической партии, проголосовали 300 депутатов, против высказались 45 человек. В резолюции отмечалось, что правительство должно содействовать признанию Палестины как суверенного и демократического государства в границах 1967 г. с «Иерусалимом в качестве общей столицы, полностью принимая во внимание потребности и законные интересы государства Израиль». Но при этом в тот же день парламентарии приняли другую резолюцию, внесенную представителями центристских сил, в которой указывалось, что для признания Палестинского государства правительство должно содействовать достижению «политического соглашения между ФАТХ и Хамас». С учетом того, что Израиль, считающий ХАМАС террористической группировкой, последовательно выступал против какого-либо участия этой организации в администрации Палестинской автономии, подобное соглашение предоставило бы ему повод отказаться от любых ранее принятых на себя обязательств. Соответственно, вторая резолюция «обнуляла» первую, как минимум, в части касающейся учета «потребностей и законных интересов государства Израиль» [с. 132].

Во-вторых, указывает автор, на репутации страны крайне неблагоприятно отразилась медлительность, проявленная итальянскими властями, при решении так называемого дела морских пехотинцев. Инцидент, который привел к обострению дипломатических отношений между Римом и Нью-Дели, произошел 15 февраля 2012 г. в Аравийском море недалеко от побережья индийского штата Керала – в 15 милях от берега. Охранявшие итальянский танкер морпехи Латорре Массимильяно и Сальваторе Джироне по ошибке застрелили двух граждан Индии, приняв их рыбацкую шхуну за пиратскую.

Танкер был остановлен и препровожден в индийский порт Кочин. Власти Индии решили, что делом будет заниматься специально созданный суд в Дели. Итальянская сторона настаивала на том, что инцидент произошел в нейтральных водах и должен рассматриваться международным трибуналом по морскому праву. В ожидании начала разбирательств Л. Массимильяно и С. Джироне провели в индийской тюрьме девять месяцев. Скандал с морскими пехотинцами привел к снижению товарооборота Италии с Индией. Последняя даже отказалась от участия во Всемирной выставке 2015 г. в Милане («ЭКСПО – 2015»). То, каким образом решался вопрос о судьбе двух итальянских военных, негативно сказалось на доверии к итальянской дипломатии за рубежом и подорвало основы внешней политики Италии, зависящей от международных инвестиций [с. 134].

Стремясь вернуть утраченные позиции и понимая, что итальянская экономика опирается на малые и средние предприятия, которые испытывают колоссальную нехватку ресурсов для выхода на мировой рынок, Маттео Ренци активизировал использование рычагов экономической дипломатии, в частности, принял участие во Всемирном экономическом форуме в Давосе; международной экономической *конференция* «Египет – это будущее» в Шарм-эль-Шейхе и т.п. [с. 135].

Сравнивая Маттео Ренци с четырежды занимавшим должность председателя Совета министров Италии (1994–1995, 2001–2005, 2005–2006, 2008–2011) Сильвио Берлускони, У. Трамбалли констатирует, что первый представляется ему более последовательным, чем второй. Он приводит заключение *экспертов* Института международных политических исследований (*ISPI*) в отношении результатов деятельности кабинета Ренци, положительно отметивших «внимание со стороны крупных западных партнеров и инновационную деятельность правительства в отдельных областях итальянской политики». При этом автор утверждает, что обоим политическим деятелям в

равной степени присущи такие черты, как склонность выставлять себя напоказ¹ и персонализм² [с. 136]. Он отчасти разделяет опасения некоторых членов экспертной группы ISPI, которые полагают, что «несмотря на свою активность, Ренци не способен серьезно улучшить имидж Италии в глазах общественности, воспринимающей ЕС как дуалистичную систему, где решения принимаются Францией и Германией» [с. 137].

У. Трамбалли фиксирует наличие трансатлантического раскола по вопросу введения экономических санкций против России. В конце ноября 2015 г., в Брюсселе, итальянские представители выступили против возобновления санкций, утверждая, что данное решение не может быть принято автоматически, но должно подлежать обсуждению. Эта позиция поддерживалась Всеобщей конфедерацией итальянской промышленности. Тема антироссийских санкций была умело использована Римом в качестве инструмента давления на ЕС и отдельные страны-члены Союза, в частности, давления на Германию с целью добиться от неё большей гибкости по вопросам финансовой отчетности.

Одним из критериев эффективности внешнеполитической стратегии страны автор полагает ее способность адекватно ответить на миграционные вызовы сегодняшнего дня.

Из 150 тыс. беженцев, осевших в Европе в первые 6 месяцев 2015 г., половина оказалась в Италии, остальные – в Греции, что является беспрецедентным случаем в истории ЕС [с. 139]. Ключевая проблема, по мнению У. Трамбалли, заключается даже не в численности мигрантов, а в темпах их проникновения на территорию Европы. Истинной победой Италии, он полагает, то, что в конечном итоге, после весьма бурных обсуждений, оппозиция все же сумела прийти к политическому консенсусу с действующей партией по вопросу миграции. Тем самым Италия смогла в самые короткие

---

¹ Presenzialismo – постоянное присутствие; выставление себя на показ.

² Personalismo – персонализм; эгоизм; фаворитизм; пристрастность.

сроки самоорганизоваться для борьбы с чрезвычайной ситуацией. Была установлена первая пропускная линия у Лампедузы и её южного побережья; затем начались поиски универсальной формулы интеграции мигрантов [с. 140].

Трамбалли подчёркивает, что основную проблему для Италии представляют не беженцы, а «Исламское государство». В подтверждение своего тезиса он приводит слова П. Джентилони, заявившего, что «Исламское государство» находится в 200 морских милях от наших берегов, и это реальная угроза».

Автор обозначает некоторое несоответствие деклараций итальянского руководства о допустимых методах борьбы против ИГ и реальных действий страны на этом поле.

В декабре 2015 г. М. Ренци заявлял журналистам издания *Corriere della Sera*: «Позиция Италии ясна и серьезна. Мы должны уничтожить террористов, а не удовлетворять комментаторов. И нам не нужно множить рекламную реакцию, не имея стратегического видения. Мы можем позволить себе всё, кроме повторения ливийского сценария... Если для Вас быть лидером – это сбрасывать бомбы на мирных людей, я скажу нет, спасибо»¹. Он неоднократно подчеркивал, что Италия не будет участвовать в военных авантюрах, лишенных внятных политических целей, и высказывался против вооруженной интервенции. Тем не менее, в тот же период времени в Ирак были направлены 450 солдат для защиты стратегической дамбы в Мосуле и предприятий с участием итальянского капитала. Мобилизация сил против ИГ на нивелировала постулат М. Ренци о вооружённом невмешательстве.

Отметим, что автор статьи полагает данное решение адекватным амбициям Рима остаться в числе ведущих игроков на Ближнем Востоке, утверждая, что в ситуации, когда на кону находится будущее региона,

---

¹ *Corriere della Sera*. Renzi: «Non rincorro bombe di altri La crescita? Sfideremo Bruxelles» – Mode of access: http://www.corriere.it/politica/15_dicembre_06/noi-non-vogliamo-libia-bis-crescita-sfideremo-bruxelles-97bed6ea-9be7-11e5-9b09-66958594e7c5.shtml [Accessed: 03.01.2018].

ограничиваться дипломатическими методами – это удел «задних рядов», государств «среднего уровня»¹ [с. 142–143].

В заключении Трамбалли обозначает, что кризис внутри ЕС должен стать для итальянской внешней политики стимулом к реформированию, и выражает надежду на выход общественного мнения из состояния летаргического сна. Ключевую причину отсутствия последовательной и адекватной вызовам сегодняшнего дня внешнеполитической стратегии он видит не в правительстве, а в индифферентности и бездействии СМИ, лишаящих массы возможности оценить новаторские идеи, возникающие в поле властных отношений, а политиков – лучше понять направленность общественных запросов.

К.К. Уткина

ХЁРВИТЦ Л. ИНДЕКС ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ОЧЕРК.

HURWITZ L. An Index of democratic political stability: Methodological note // Comparative political studies. – 1971. – Vol. 4, N 1. – P.41–68.

Ключевые слова: политическая стабильность; политическая система; демократические политические устройства; индекс устойчивости политического поведения; индекс легитимности/поддержки политической системы; устойчивость.

В современных сравнительных исследованиях политики (comparative politics) достаточно активно используется термин «*политическая стабильность*» (political stability), применяемый преимущественно при анализе демократических политических устройств. Рассуждая о *демократической политической стабильности* (democratic political stability), эксперты², как

---

¹ Una potenza di medio livello – средний уровень мощности.

² Almond G., Verba S. The civic culture. – Boston: Little, Brown, 1965; Banks A.S., Textor R.B. A Cross-polity survey. – Cambridge, Mass.: MIT Press, 1963; Blondel J. Party systems and patterns of government in Western democracies // Canadian j. of political science. – 1968. – Vol. 1 (June). – P.180–203; Eckstein H. Division and cohesion in democracy: A Study of Norway. – Princeton: Princeton univ. press, 1966;

правило, выделяют три ключевых параметра, обуславливающих соответствующее функционирование политической системы: а) способность к самосохранению (the ability of the political system to persist), б) легитимность (the existence of a legitimate political system), в) наличие эффективного механизма принятия решений (the presence of effective decision-making by the political system) [с. 42].

По мнению автора реферируемой статьи, Леона Хёрвитца перечисленные выше параметры (самосохранение, легитимность и эффективность принятия решений), подходя, в целом, для описания стабильности демократических политических систем, остаются довольно абстрактными. Поэтому, они, а также фиксирующие их аналитические категории, не могут дать точного, измеряемого критерия оценки степени политической стабильности конкретных политических систем.

Автор отмечает, что приведённые параметры не являются операциональными (operational), так как с трудом поддаются отслеживанию и количественному выражению в эмпирических исследованиях политических систем [с. 42]. Поэтому Хёрвитц предлагает собственную модель оценки политической стабильности демократий, центральным элементом которой становится *индекс демократической политической стабильности* (index of democratic political stability) [там же].

Индекс демократической политической стабильности в авторской интерпретации составляют два базовых индикатора: 1) индекс устойчивости политического поведения (persistence of pattern index) и 2) индекс легитимности/поддержки системы (index of legitimacy/system support). Индекс устойчивости политического поведения, в свою очередь, состоит из двух подиндексов: а) индекс устойчивости правительства (index of government persistence) и б) индекс законодательного согласия/частоты выборов (index of

---

Lijphart A. The politics of accommodation: Pluralism and democracy in the Netherlands. – Berkeley: Univ. of California press, 1968.

legislative agreement/election frequency). Информация для формирования каждого из перечисленных индексов собирается отдельно по каждой стране, но в конечном итоге мы получаем статистически высчитываемый средний стандартизированный (количественный) показатель (T-score), который и составляет индекс демократической политической стабильности [с. 43].

Индекс устойчивости политического поведения (persistence of pattern index) – первый индикатор, составляющий индекс демократической политической стабильности. Ключевым элементом в структуре устойчивости политического поведения автор называет устойчивость правительства (government persistence). При этом Хёрвитц подчёркивает отличие своего подхода к измерению этой устойчивости от концепций других экспертов в области компаративной политологии, а именно – Брюса Мартина Рассета и Жана Блонделя¹. Авторская позиция заключается в том, что при оценке устойчивости не следует отождествлять все случаи изменений в составе правительств с нестабильностью [с. 44]. Введение соответствующего показателя – index of government persistence – позволяет избежать подобной ошибки и дифференцировать типы правительств именно по показателю устойчивости, учитывая типы изменений в структуре кабинетов, позициях партий и премьер-министров в политической системе.

Индекс устойчивости правительства выявляет 8 типов устойчивости, коррелирующих с институциональными особенностями формирования правительств и условиями, которые оказали влияние на формирование правительств. Данный индекс рассчитывается из *соотношения между общим количеством позиций, составляющих устойчивость* (number of total persistence points) и *количеством различных правительств* (number of different governments) [там же]. В число *позиций* (persistence points) входят различные обстоятельства, обуславливающие формирование новых правительств в 20

---

¹ Russet et al. World handbook of political and social indicators. – New Haven: Yale univ. press, 1964; Blondel J. Party systems and patterns of government in Western democracies // Canadian j. of political science. – 1968. – Vol. 1 (June). – P.190–191.

рассматриваемых странах. Под различными правительствами (different governments) в данном случае понимаются институциональные дизайны правительств в каждой конкретной стране, а также присущие им формы изменений.

К основным формам изменений в правительствах автор относит:

- формирование правительства после выборов;
- изменения, касающиеся поста премьер-министра;
- изменения в партии, которая возглавляет правительство;
- изменения, происходящие с постами премьер-министра и в партии,

возглавляющей правительство.

Максимальный показатель по данному индексу равен 1.00, что означает высокий уровень устойчивости политического поведения. Минимальный показатель равен 0.00, что означает низкий уровень устойчивости политического поведения. [с. 44].

Как уже отмечалось ранее, автор ранжировал типы устойчивости правительств, выявив восемь типов. В каждом из них учитывается период выборности политических акторов (после выборов/во время выборов), зависимость партий и позиций премьер-министров/президентов от института выборов и политической практики. Выявляется в данном случае необходимость замены премьера/президента и/или членов партии, составляющей кабинет. Применительно к позиции премьер-министра/президента автор стремится учитывать множество факторов, влияющих на изменение: отставка, переизбрание, внезапная замена человека на должностной позиции, в том числе обусловленная его смертью или убийством [с. 45].

Вторым элементом, который дополняет индекс устойчивости правительства в структуре индекса устойчивости политического поведения, является *индекс законодательного согласия/частоты выборов* (index of legislative agreement/election frequency). Этот показатель компенсирует возможные недостатки предыдущего, а также выступает самостоятельной

величиной при подсчёте общего показателя устойчивости политического поведения, фиксируя уровень согласия участников политического процесса [с.49–50].

Индекс базируется на данных по каждой стране. Эти данные исследователь получает в ходе анализа длительности функционирования избранного состава парламента. Полученные данные о длительности оцениваются, исходя из конституционных положений. Измерение в данной ситуации учитывает возможный срок функционирования парламента (максимальный срок, отведённый избранным парламентариям конституцией) и реальный срок функционирования конкретного парламентарского состава. Показатель 1.00 данного индекса говорит о высоком уровне устойчивости политического поведения, показатель 0.00 свидетельствует о низком уровне устойчивости политического поведения.

Индекс рассчитывается по трём следующим показателям: 1) *продолжительности функционирования парламента* (time in country study), 2) *количеству легислатур* (number of legislatures) и 3) *конституционному сроку* (constitutional tenure). Показатель продолжительности функционирования парламента следует разделить на произведение последних двух показателей [с. 50]. В подсчёте величины продолжительности функционирования парламента исследователю следует получить данные о количестве прошедших дней с момента первого избрания парламента (first general parliamentary election) в послевоенный период и о периоде, когда прошли последние выборы. Под количеством легислатур (number of legislatures) автор статьи понимает количество общих парламентарских выборов минус одна позиция. В проведённом исследовании (эмпирические результаты и примечания к ним представлены в приложениях к статье [с. 56–66]) шкала варьируется от показателя 4 до показателя 9. Конституционный срок (constitutional tenure) является формально зафиксированной в конституции величиной, выражающейся в днях, данная

величина соотносится с максимально допустимым периодом между выборами [с. 50].

Индекс легитимности/поддержки системы (index of legitimacy/system support) – второй индикатор, составляющий индекс демократической политической стабильности. По мнению Хёрвитца, демократии должны быть настолько же легитимны, насколько они устойчивы. Поэтому легитимность (автор определяет её как принятие (acceptance) населением демократической политической системы [с. 50]), рассматривается как составной элемент индекса демократической политической стабильности. Измерение легитимности осуществляется, соответственно, через оценку уровня поддержки политической системы избирателями (на основании голосов). Максимальный показатель, свидетельствующий о высоком уровне легитимности и системной поддержки равен 1.00, минимальный показатель – 0.00.

Данный индекс рассчитывается с помощью двух величин: 1) средней величины голосов, отданных избирателями в поддержку *системных партий* (system parties), 2) средней величины всех действительных голосов на выборах [с. 51].

Полагая необходимым зафиксировать эффективность в качестве одного из индикаторов функционирования политической системы, автор, тем не менее, не считает нужным выделить ее в отдельный индекс. Как утверждает Хёрвитц, она уже присутствует в индексе устойчивости политического поведения (persistence of pattern index), а также в измерениях легитимности и степени поддержки политической системы (legitimacy/system support) [с. 54].

В определении эффективности американский политолог опирается на ставшую классикой сравнительных эмпирических исследований политических культур работу Габриэля Алмонда и Сиднея Вербы «Гражданская культура»¹. Эффективность политической системы Хёрвитц предлагает рассматривать как «...подтверждённое принятие результатов деятельности правительства и

---

¹ Almond G., Verba S. The Civic culture. – Boston: Little, Brown, 1965. P. 1–86.

удовлетворённость населения результатами работы правительства» [с. 53]. Соответственно, эффективность результатов деятельности правительства можно интерпретировать, опираясь на оценку населения, как «приемлемые и удовлетворяющие [интересам населения] действия [там же]. При этом важно оценивать и деятельность правительства, и его бездействие (no action) в определённых ситуациях. Не во всех случаях активная позиция правительства (positive action) является эффективной (effective action), т.е. в определённых случаях эффективным окажется то правительство, которое не будет принимать никаких решений [с. 53]. Вне зависимости от реального содержания и адекватности принимаемых решений сложившейся ситуации, если последние воспринимаются населением как неудовлетворяющие его интересам, в рамках модели Хёрвитца они будут признаны неэффективными [там же].

Перевод «эффективности» в наблюдаемый индикатор Хёрвитц предлагает осуществлять на двух уровнях: 1) на уровне политической системы (system effectiveness) и 2) на уровне политической/персональной эффективности (policy/personal effectiveness). Первый уровень характеризует степень удовлетворённости населения политической системой в целом. Второй уровень – степень приемлемости конкретных результатов деятельности (или бездействия) в рамках конкретного политического курса [с. 54].

Индекс демократической политической стабильности (index of democratic political stability), включает Хёрвитц, представляет собой комплексный показатель, составными частями которого являются индексы устойчивости политического поведения (the persistence of pattern index) и индекс легитимности/поддержки политической системы (the index of legitimacy/system support). Два этих индекса равны по своему значению, а итоговый показатель высчитывается через сумму статистически значимых показателей по каждой из наблюдаемых стран, через соответствующие индикаторы [с. 55]. Объединяя в рамках своей модели различные индикаторы стабильности, представленные в научной литературе, автор полагает, что именно приверженность плюрализму

подходов позволит исследователям еще глубже продвинуться в своем понимании причин, по которым одни демократические политические системы остаются устойчивыми под воздействием внешней среды, а другие – нет [с. 55].

Я.О. Песегова

ЛАУНДЕС В., МАДЗИВА Р. КОГДА Я СМОТРЮ НА ЭТОТ ФУРГОН, ДЛЯ МЕНЯ ЭТО НЕ ПРОСТО ФУРГОН: СИМВОЛИЧЕСКИЕ ОБЪЕКТЫ В МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКЕ¹.

LOWNDES V., MADZIVA R. When I look at this van, it's not only a van': Symbolic objects in the policing of migration // Critical social policy. – L., 2016. – Vol. 36, N 4. – P. 1–21.

Ключевые слова: кампания «Go Home»; иммиграция; социальное отчуждение.

На основе сравнительного анализа специфики восприятия британской кампании по борьбе с нелегальной иммиграцией – «Go Home Van» (GHV)² самими приезжими, местными жителями и представителями правозащитных организаций, Вивьен Лаундес (Университет Бирмингема, Великобритания) и Рода Мадзива (Университет Ноттингема, Великобритания) определяют значимость символических объектов иммиграционной политики, в том числе в контексте наблюдаемого сегодня глобального миграционного кризиса.

Отмечая отсутствие законодательно закрепленного определения понятия «нелегальные иммигранты», авторы констатируют, что данный термин к

---

¹ Сокращенная версия данного реферата была опубликована в издании Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11.: РЖ / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. – М., 2017. – № 1. – С. 94–99.

² Программа GHV – это совместный проект консерваторов и либерал-демократов, запущенный летом 2013 г. в рамках реформы миграционной политики и направленный на сокращение количества нелегальных иммигрантов в Великобритании. По улицам шести боро Лондона: Хаунслоу, Баркинг и Дагенем, Илинг, Барнет, Brent и Редбридж, ездили белые фургоны с огромными надписями «Возвращайтесь домой или будете арестованы» («Go home or face arrest»). Кампания продлилась с 22 по 28 июля 2013 гг. – *Прим. реф.*

настоящему времени приобрел всеохватывающий характер. В Великобритании он используется для обозначения гетерогенной группы, включающей в себя: не имеющих права легального пребывания в Соединенном Королевстве, превысивших срок пребывания в стране или нарушивших визовые условия, а также тех, кому было отказано в предоставлении убежища [с. 3]. В британском общественно-политическом дискурсе нелегальные мигранты воспринимаются в качестве угрозы национальному единству, лица, злоупотребляющих государственными услугами.

С целью решения проблемы так называемых «фиктивных лиц, ищущих убежище» и «нелегальных иммигрантов», Министерство внутренних дел запустило кампанию «Возвращайтесь домой» (Go Home, GH) в качестве PR-стратегии, призванной содействовать добровольному выезду приезжих из страны [с. 3].

В контексте анализа кампании GH авторы обращаются к теории интерпретационизма. С точки зрения «интерпретационного анализа политики» (ИАП), утверждают В. Лаундес и Р. Мадзива, необходимо рассматривать не только «что» означает то или иное явление, но и «как» выражается это его значение. ИАП исследует процессы «предметного взаимодействия» («artefactual interaction»), т.е. изучает через какие символы передаются смыслы. Они могут быть выражены как в физической форме, так и в более традиционной лингвистической (законы, политические заявления, указания, правила и т. д.) [с. 4–5].

Рассматривая фургоны, курсировавшие по Лондону в рамках GH («Go Home Vans», GHV), как предмет политики в форме символического объекта, В Лаундес и Р. Мадзива предлагают собственную интерпретацию размещавшихся на них рисунков и лозунгов с тем, чтобы выяснить роль последних в процессе выстраивания предметно-символической связи.

В статье оценивается влияние программы GH на иммигрантов, отказавшихся от столь недвусмысленного «предложения». Авторы

рассматривают GNV как часть «миграционного регулирования» с привлечением модели социального контроля, связанного с государственным управлением. Эмпирическую базу соответствующего раздела исследования составили интервью с приезжими. В. Лаундес и Р. Мадзива выделили три проблемных блока, требующих детального анализа: 1) определение функций выполняемых Фургоном; 2) выявление специфики работы Фургона и особенностей донесения им своего меседжа; 3) оценка вероятности сгенерировать альтернативные значения и смыслы [с. 6].

Отвечая на первый вопрос, связанный с назначением Фургона, В. Лаундес и Р. Мадзива пишут, что сами мигранты воспринимают GNV как символ исключения и бессилия. Фургон, играющий важную роль в маркировке определенных когорт населения как нарушителей требований системы, способствует развитию чувства социальной изоляции. [с. 7].

В статье приводятся признания респондентов-мигрантов, отмечающих, что Фургон вызывает у них чувство тревоги, ощущение вины за якобы совершенное преступление и страх быть задержанными. В. Лаундес и Р. Мадзива ссылаются на исследователей А. Питерсона и М. Акерстрома, которые пишут о том, что фургон становится предметом «широко распространенных форм коллективного отчуждения» [с. 7]¹.

Описывая позицию правозащитных организаций, авторы отмечают, что для НПО посчитали ключевым мотивом развертывания кампании GN стремление к установлению границ гражданской принадлежности.

Во второй части статьи авторы определяют основные смыслы транслируемые кампанией GN, и характер влияния такого рода идей на различные группы населения.

Утверждается, что Фургон как таковой играет очень важную роль в личном жизненном опыте мигрантов. Например, они могли прибыть в

---

¹ Peterson A., Akerstrom M. Policing ethnicity: Between the rhetoric of inclusion and the policies and practices of exclusion // Social inclusion – Vol. 2, N 3.– P. 1–4.

Великобританию или же выехать за пределы своей страны, используя фургоны. Кроме того, любого задержанного перевозят в фургоне, миграционные рейды и депортация неизбежно связаны с принудительным заталкиванием в фургон. Следовательно, Фургон символизирует мощь государства, он задействован в осуществлении контроля над мигрантами, в том числе связанного с применением насилия. При этом воздействие на сознание иммигрантов и трансляция смыслов осуществляются через визуальное повествование (изображения на кузове) или же через ассоциацию с автомобилями, используемыми в полицейских рейдах и при депортации. Тот факт, что на мигрантов ориентируются, в первую очередь, невербальные объекты политики объясняется двумя причинами.

Во-первых, такого рода объекты могут быть более эффективными из-за ограниченного знания английского языка приезжими. Авторы приводят слова некой Рейчел, работника службы поддержки мигрантов: «Если английский не является Вашим родным языком, то изображение может быть первым, что Вы действительно примите во внимание» [с. 10].

Во-вторых, невербальные объекты политики напрямую обращаются к опыту психологической травмы, общему для многих мигрантов. Фургон провоцирует на «возвращение памяти» и «запуск» конкретных видов деятельности, работая на уровне подсознательных смыслов.

В качестве иллюстрации данного тезиса авторы приводят слова двух респондентов, которым было отказано в предоставлении убежища. «Для людей, подобных нам – отмечает первая интервьюируемая – Мария, – Фургон говорит на определенном языке, мы видим то, что скрыто от других». «Когда я увидел изображения, эти угрозы фактически вернули чувства, которые я испытал в 2002 г. <...> полиция стучится в Вашу дверь, и, если Вы не откроете, они вламываются в Ваш дом <...> Фургон принес неприятные воспоминания, старые и несчастливые воспоминания», – с горечью констатирует второй участник исследовательского опроса – Просперо. [с. 14].

Определив смыслы, доносимые Фургоном, авторы переходят к рассмотрению возможности возникновения альтернативных смыслов. В. Лаундес и Р. Мадзива возвращаются к ИПА с заложенным в нем отрицанием возможности существования однонаправленной политики. Отстаивая этот тезис, авторы следуют в логике Джанет Ньюман¹, отмечая внутреннюю нестабильность дискуссионных стратегий управления (вроде образования миграционной полиции) [с. 14].

В рамках нарратива кампании ГН мигранты рисовались страшными и злыми. Сопrotивляясь этим навязываемым смыслам, приезжие могли выбрать два пути: уйти от GHV (они буквально пытались избежать встреч с Фургоном) или попасть в фокус внимания акции [с. 14]. Но правозащитные организации попытались предложить третий путь. Они выразили возмущение в связи с тем, что Фургон извращает основные британские ценности. «Этот [Фургон] – цитируют авторы слова одного из менеджеров общественной организации по работе с мигрантами, –заставляет усомниться в наших идеалах и гостеприимстве <...> Сама идея Фургона идет в разрез с демократическими ценностями, которыми мы чрезвычайно гордимся как нация». [с. 15].

По мнению респондентов, Фургон давит на людей, вынуждая их выбрать один из двух (в одинаковой степени непривлекательных) вариантов выхода из создавшейся ситуации. Но правозащитные организации, отмечают авторы, предлагают нелегалам новую опцию – «прийти в центр и взаимодействовать друг с другом в дружественной обстановке и найти пути выхода из положения, если ранее им было отказано в предоставлении убежища» [с. 15].

В. Лаундес и Р. Мадзива констатируют, что кампания ГН была воспринята экспертами как неуместная и неудачная попытка Министерства внутренних дел решить проблему нелегальных мигрантов. Подчеркивая несоответствие действий властей реалиям современного британского общества,

---

¹ Newman J. Remaking governance: Peoples, politics and the public sphere. – Bristol: Policy press, 2005.

авторы приводят высказывание одного из работников службы поддержки переселенцев, что после кампании GNV отказалась от консультаций и сотрудничества с Министерством внутренних дел: «Мы все равно не работаем с Министром внутренних дел <...> мы существуем для наших клиентов, наши клиенты – нелегальные мигранты, просители убежища и беженцы. Мы думаем, что у нас достаточно власти и влияния, чтобы постоять за людей, которых мы представляем» [с. 16].

В заключении авторы приходят к выводу, что в вопросе регулирования миграции следует уделять большее внимание изучению влияния невербальной политики. Детальный анализ реакции различных социальных групп на инициативу GNV подтвердил, что современная миграционная политика носит многоуровневый характер и является пространством символического противостояния множества разнообразных акторов. Мигранты не являются пассивными жертвами государственных структур принимающей стороны. Несмотря на страх и гнев, вызванный лозунгами ГН, среди приезжих были те, кто смог критически проанализировать смыслы, транслируемые кампанией и поставить вопрос, почему Фургон был, в сущности, «не только фургоном» [с. 18], как выразился один из респондентов. В то же время, местные организации по поддержке мигрантов, активно отвергли очевидные негативные смыслы, транслируемые Фургоном, и обрушились на инициаторов кампании с резкой критикой. ГН стала своеобразной лакмусовой бумажкой, выявившей принципиальные расхождения в понимании базовых ценностей британского общества различными когортами населения Соединенного Королевства. Все эти обстоятельства, по мнению авторов, говорят о значительном потенциале интерпретационного анализа политики – концепции, доказывающей невозможность одновариантного толкования смыслов, – как возможной теоретической рамки при изучении символических объектов.

Д.Ю. Безгина